

ИЕГУДА ШТЕЙНБЕРГ

БЕСЕДЫ С ДЕТЬМИ

Перевод с иврита: Дан Берг

Предисловие переводчика

Еврейский Андерсен.

Иегуда Штейнберг (1863 – 1908) родился в местечке Липканы в Бессарабии (ныне Молдова) в семье резника. Мальчик получил еврейское религиозное образование. Отец женил сына совсем молодым. Иегуда преподавал иврит, учил детей в хедере и в богатых частных домах. Заработков едва хватало на пропитание молодой семьи.

Следуя природной склонности, Штейнберг обратился к литературному творчеству. Мэтр еврейской литературы И. Л. Перец одобрил дебют. Успех пришел быстро и рос от года к году. Почти все свои произведения Штейнберг публиковал в периодической печати. Писал на иврите и на идиш. Журналы и газеты предъявляли огромный спрос на его рассказы. Гонорары от публикаций улучшили материальное положение семьи.

В 1905 году Штейнберг переехал из Бессарабии в Одессу для лечения. Не оставляя творчества, он одновременно служил корреспондентом нью-йоркской еврейской газеты. Болезнь прогрессировала, и одесские писатели Х. Н. Бялик и А. Л. Левински объявили благотворительный сбор средств для отправки больного на операцию в Берлин. К несчастью, медицина была бессильна. Штейнберг вернулся в Одессу и, зная о неизбежном и скором конце, мужественно и с удвоенной энергией продолжал писать.

В 1908 году еврейский писатель Иегуда Штейнберг скончался, будучи всего 44-х лет от роду. Его друзья во главе с Х. Н. Бяликом собрали воедино опубликованные им в газетах и журналах произведения и издали их в виде полного собрания – 4 тома на иврите и 2 тома на идиш.

Перу Штейнберга принадлежат детские сказки, многочисленные хасидские рассказы, роман, повесть, учебники. Его произведения переводились на английский язык. На русском языке сочинения писателя до настоящего времени не публиковались.

Творчество Штейнберга многогранно, но, пожалуй, главные его художественные достижения посвящены детям. Газета “Русское слово” (1908 год) так отозвалась о безвременно ушедшем литераторе: “Как детскому писателю, покойному нет равного в еврейской литературе”. Еще при жизни мастера критика называла его “Еврейский Андерсен”

Написанный на иврите сборник детских сказок “Беседы с детьми” вышел в свет в Варшаве в 1899 году в издательстве “Тушия”. Эта книга использована для настоящего перевода. На английском языке сказки трижды издавались в США. Там же удостоились большого успеха переработки для театра и радио.

Иегуда Штейнберг сочинил очень необычные сказки. Как правило, в написанных для детей произведениях привычны черно-белые персонажи и ясная концовка в виде непрямого разрешения конфликта, успеха добра и осуждения зла. Штейнберг, профессиональный педагог и глубокий знаток души ребенка, видит шире горизонт доступности детского восприятия. Хотя адресатом автора являются дети, тем не менее писатель не избегает таких “взрослых” тем, как смерть, болезни, страдания. При этом умелое перо творит необходимый юным сердцам дух оптимизма и гуманности.

Штейнберг смотрел на детскую литературу, как на инструмент воспитания и обучения. В сказках он обращается к фактам истории, использует мотивы из Библии, Талмуда, Каббалы, фольклора. Есть моменты юмора, сатиры, талмудической остроты. Разумеется, чудесам и небылицам тоже находится место.

Фантазия автора увлечет детей любых возрастов. Рассказчик как бы беседует с юными слушателями. Малышам будут читать вслух, ребята постарше справятся сами. Возможно, некоторые фрагменты сказок вызовут у нынешних читателей вопросы. Найденные в интернете и в книгах ответы вознаградят любознательность и украсят эрудицию.

Сказки Штейнберга замечательно подходят для современной семьи, желающей дать детям в доступной форме начатки знаний об истории и культуре народа, привить любовь к традициям. Общечеловеческие моральные установки книги сообщают ей ценность для любой, необязательно еврейской семьи.

Переводчик выражает надежду, что его труд откроет русскоязычному читателю несомненные достоинства творчества Иегуды Штейнберга.

Дан Берг

Лик Моше

1

Это случилось в давние-давние времена. Моше, великий предводитель народа израильского, вел людей по пустыне долгих сорок лет. И вот Бог сказал Моше: “Пред тобою высятся горы. Взойди на одну из них, на гору Нево. Ты увидишь с вершины землю Канаанскую. Эту землю я даю народу твоему во владение. И нет на всем свете места, прекраснее этой земли!”

И добавил Бог суровые слова: “Моше, народ твой войдет в чудную Канаанскую страну, а ты останешься на горе и умрешь на ней! Помнишь ли, как не поверил мне, Богу твоему, как усомнился в воле моей заставить скалу напоить людей? Прими теперь наказание за грех!”

Моше беззаветно любил свой народ, и потому обязан был следовать слову Бога и умереть на вершине горы Нево, ведь без этого людям не перейти реку Иордан и не вступить в землю Канаанскую, где цветут инжир и гранаты. Без этого детям не войти в обещанную им прекрасную страну, и будут они расти, стариться и умирать, так и не придя в благословенный край. “Смертью своею добуду жизнь народу моему!” – сказал Моше.

И вот, Моше взошел на гору Нево. Настала великая минута. Стихли ветры, угомонились птицы, смолкли их песни. Хозяин пустыни леопард замер с разинутой пастью, не в силах разорвать жертву. Олененок в когтях его остановил свой предсмертный стон. Орел распростер крылья и недвижимо повис меж небом и землей.

Горы Нево, Синай и Хермон глядели в изумлении друг на друга, перешептывались в непривычной тишине.

- Неужели Бог спустится с небес на землю? – испугалась гора Синай.
- Неужели Бог заберет у народа Израиля Тору, что даровал ему? – удивилась гора Хермон.
- Неужели Бог отдаст Тору другому народу? – спросила далекая гора Арарат.
- Я знаю, что значит святая эта минута! – сказала гора Нево.

Лик великого Моше отразился в зеркале Красного моря. Жар дневной нагрел воду, и пар, сохранив отражение, поднялся в небо, превратился в белое облако и запечатлел на нем лик Моше. Солнце узрело чудную картину на море и на облаке, и послало лучи свои, и они вернули благородные черты, и лик Моше засиял на солнце. Звезды со всего небосвода примчались, чтоб взглянуть на прекрасный образ, и повели хоровод вокруг дневного светила. И везде, куда глядело солнце, совершая свой путь – на моря, на реки, на озера, на водопады, в колодцы – везде оставляло оно печать лика Моше. С тех пор говорят: “Лик Моше – солнца лик!”

Не слышал больше народ Израиля своего предводителя Моше, ибо Бог взял его у народа. Люди опечалились великой печалью. Но, взглянув на небо и на воду, увидели любимый облик и вскричали: “Вот наш пророк, летит на облаке, скользит по воде, сияет на солнце! Он не оставил

нас, он смотрит на нас с любовью! Радуйтесь, дети – нам обещаны розы и чудные плоды в земле изобильной!”

Воцарилась благодать в мире. Прозрели слепые, услышали пение птиц глухие, сильные не обижали слабых, исчез обман и утвердилась честность. Люди забыли ссоры и войны.

Не видно более зла среди людей, но не исчезло оно, а затаилось в темных норах земли.

2

А теперь, дети, побеседуем о зле. В самом дальнем уголке человеческого сердца прячется злое начало. Оно таится, как червь в яблоке. Если это сердце мальчика или девочки, оно подстрекает ребенка к дурному: обидеть учителя, огорчить отца с матерью, сказать несправедливое слово о товарище, да мало ли еще что придумает злое начало – оно мастер на выдумки!

Бывает, человек уступит соблазну, а злomu началу того и надо! Радуюсь успеху, оно съест частичку сердца. Если продолжит грешник творить дурные дела, оно выест его сердце изнутри, словно червь – яблоко. Почему говорят, что сердце грешника легковесно? Потому, что зло опустошило его!

Злое начало имеет обыкновение менять имя и делает это несколько раз на своем пути. Расправившись с сердцем грешника, оно улетит на небо, поменяет имя и станет называться Дьяволом. А коварный Дьявол поспешит донести в небесный суд на соvrащенного им человека. Суд вынесет смертный приговор. Тогда Дьявол сменит прозвание и назовет себя Ангелом смерти. Довольный содеянным, Ангел смерти заберет душу осужденного и отправит ее в ад.

3

Теперь вернемся к рассказу о тех давних временах, когда, озаренные светлым ликом Моше, люди зажили праведно, и творили добро и забыли о зле. Очень не нравилось Дьяволу, что люди перестали слушаться его. Даже петли в воротах ада заржавели от долгого бездействия: незачем было открывать их, ведь люди стали праведниками, и души их улетали в рай.

Дьявол думал думу, и, наконец, недобрая мысль осенила его. Из-за ржавых петель ворота ада не открывались, но Дьявол нашел щель и протиснулся наружу. Натянул поверх своей мохнатой шкуры одежду путника и пошел к людям. Постучался в дом к простому человеку и завел с ним разговор.

- Ты праведник, и Бог наградил тебя – в колодце твоём лик Моше! – воскликнул Дьявол.
- Этот же лик ты увидишь в колодцах моих соседей, ведь и они праведники! – прозвучал ответ.
- Как прекрасна скромность твоя, добрый человек!
- Как приятна похвала твоя, путник!
- Однако, в твоём колодце лик яркий, а в соседских – бледный, ведь соседи украли его у тебя!

Сказавши так, Дьявол шел к другому человеку, к третьему и так далее. И каждому льстил и всем говорил худые слова о соседях. Сладкая лесть делала свое коварное дело, и люди верили переодетому Дьяволу.

Возникли меж людьми раздоры. Каждый хвалил свой колодец и высмеивал колодец соседа. И каждый повторял слова Дьявола, мол, только в его колодце истинный лик Моше, а в соседнем – краденый.

Люди поначалу бранились, а потом пошли в ход кулаки. Никто не хотел уступать. Друзья стали врагами, принялись убивать друг друга. Кровь пролилась и окрасила реки, и пропал на темной воде лик Моше. А реки текли в море, и замутили его, и на море тоже исчез лик Моше. От дневного жара испарились слезы людские. Пар, поднявшись ввысь, превратился в тучи, а они закрыли собой солнце и стерли с него образ пророка.

Прозревшие вновь ослепли, а глухие не слышали более пения птиц. Сильные подчинили слабым, вернулся обман, и забылась честность. Люди вспомнили забытые обиды, и вновь разгорелись войны, и праздновал победу Дьявол.

Вот что случилось в давние-давние времена. И в нынешнее время такое случается, и во все времена так будет. Если умеют люди видеть пред собой чистый лик пророка – смягчается их душа, и утверждается добро. А если дать волю злему началу, и станет оно выедать изнутри сердца людей – погаснет светлый образ, и восторжествует зло, что таится в темных норах земли.

Ласточка

1

Жила себе в городе Иерусалиме ласточка. Ранним утром, бывало, усядется пташка на ветку мирта и запоет свою веселую песню. Услышат дети знакомое щебетание, соберутся вокруг дерева и слушают.

Ласточка пропоет славу солнцу и новому дню и станет рассказывать детям чудесные истории. Она расскажет о красавице Шуламит, бегущей по горам, и о нежных ланях, пьющих воду из реки Пишон. Она поведаст о золотых птицах, гнездящихся в райском саду и вспомнит о древе познания и о древе жизни. Завороженные, дети с восторгом слушают пернатую сказочницу. А потом насыпят ласточке зерен. Она поклюет, насытится, благословит своих юных друзей и упорхнет.

Не ради зернышек, а просто потому, что любила детей, рассказывала ласточка истории своим юным друзьям. Другие птицы, разумные и рассудительные, спрашивали порой нашу ласточку, зачем она трудится и щебечет понапрасну. А она отвечала: “Понапрасну? Да ведь мои рассказы радуют милых деток, а вы говорите понапрасну!”

В те давние годы восседал на иерусалимском троне царь Шломо. Он задумал построить Храм. Строители трудились, не покладая рук. Наверное, вам это покажется удивительным, дети, но и наша маленькая ласточка помогала строить величественное здание. Принесет в клюве то чуть-чуть песка, то крошку глины, то капельку воды.

Лесные птицы смеялись: “Зря стараешься! Люди не вспомнят ни тебя, ни труд твой!” А ласточка отвечала насмешникам: “Я не для славы тружусь, я строить люблю, как все ласточки!” Но мудрые и практичные собратья не унимались: “Храм складывают из огромных тесаных камней, и что толку от твоих кусочков, комочков и капелек!” А ласточка в ответ: “Лучше сделать мало, чем не сделать ничего!”

С каждым днем росли ввысь стены, и когда работа подходила к концу, наша ласточка смастерила домик для себя самой под самой крышей здания. Славное вышло у нее гнездо! Даже ангелы, когда спустились с небес поглядеть на выстроенный Храм, похвалили ласточкину постройку, и сказали, что будь она побольше, могла бы стать жилищем главному коэну.

Ласточка жила в своем гнездышке. Когда левиты пели в Храме, она подпевала им по-птичьему. Когда главный коэн благословлял народ, она не забывала чирикнуть “Аминь!” И, как прежде, рассказывала детям нескончаемые истории: и о земле Леванон, и о стране Хавила, и о городе Луз, в который не заходил ангел смерти, и поэтому люди там не умирали, а дети оставались детьми до ста лет.

У нашей ласточки были птенцы, у которых со временем появились их птенцы, и так бесконечно. Дети тоже выросли, и у них рождались свои дети и так далее. Все живое на земле повторяет себя в новых поколениях. Поэтому другие ласточки рассказывали другим детям истории, а дети слушали и кормили птичек зернышками.

Появился у ласточек злой завистник – паук. Он тоже хотел, чтобы дети любили его и приносили пищу. Он сплел паутину в Храме. Паук был спесив и не избрал себе скромного места под крышей, как ласточка, а растянул свою сеть в комнате, где помещался Ковчег Завета, и стал ждать, что дети придут к нему с мошками и бросят их в паутину, и он насытится кровью своих жертв.

Однако, в святое помещение Ковчега Завета никто не заходит, только раз в год туда наведывается главный коэн. Напрасно ждал паук. Изголодался, исхудал. Выполз из своего убежища и сплел новую паутину во дворе. Мимо шли дети, увидели паучью сеть. Один мальчик крикнул: “Я спасу всех мошек от всех пауков и так справлюсь со всем в мире злом!” Он схватил палку и разорвал паутину. Паук понял, что люди никогда не полюбят его и поклялся чинить им всякое зло. Ненависть эту он передал своим потомкам, а те – своим, и так сохранилось навсегда.

Пришел в Иерусалим вавилонский царь Навуходоносор. Он приказал сжечь город, и загорелся Храм. Ласточки взволновались, стали носить воду в клювах, чтобы тушить огонь. Другие птицы

насмехались: “Как глупы эти ласточки! Огонь бушует от пола до крыши, а они хотят потушить его жалкими каплями!” А ласточки в ответ: “Лучше сделать мало, чем не сделать ничего! Хоть один уголек затушим – и то наш труд не пропадет!” И предложили свое дело без устали.

Зато пауки старались увеличить пламя. У пауков, как и у ласточек, были зубоскалы: “И без вас Храм пылает, что вы, мелкие насекомые, добавить можете?” И пауки, как и ласточки, нашлись, что ответить: “Хороши злые дела, но радуют они, когда сам их вершишь, а не стоишь в стороне! Лучше сделать мало, чем не сделать ничего!”

Вот почему дети не любят пауков и рвут паутину, а ласточек любят, и если какой-нибудь сорванец разрушит ласточкино гнездо, то пусть знает – это большой грех.

И вышло так, что не пропал даром труд ласточек. Благодаря их усердию уцелела Западная стена Храма, и по сей день стоит она на горе Мория.

Люди говорят, что каждый год, в девятый день месяца Ав, в тот самый день, когда сгорел Храм, ласточки слетаются на гору Мория к Западной стене, и ждут, что придут строители возводить новый Храм, и ласточки помогут им.

Но строители не идут.

Дрейдл

Дорогие мальчики и девочки, может быть, не все вы знаете, что такое дрейдл? Так называется на языке идиш волчок, которым дети играют в праздник Ханука. Теперь, когда вам это известно, можно перейти к рассказу, в котором дрейдл – главный герой.

1

У вдовы Дины было два сына. Старшего звали Надав, и ему девять лет. Младшему, Амацьяу, семь лет. Бедно, очень бедно жила эта семья. Даже хлеба не ели вдоволь. Случались дни, когда не хватало еды на всех, и тогда Дина незаметно уступала свою долю мальчишкам, а сама ложилась спать голодной.

Пришел праздник Ханука, а у Дины не хватало денег, чтобы купить сыновьям дрейдл. Старший Надав не хотел огорчать мать и не напоминал ей об игрушке: он надеялся, что настанут в доме лучшие времена, и мать принесет им дрейдл, да еще и с крылышками. Зато младший Амацьяу все плакал и выпрашивал. Не вынесла Дина детских слез и последние пять грошей, на которые она собиралась купить к празднику вкусного ячменного хлеба, она потратила на дрейдл.

Надав не прикоснулся к игрушке – он знал, что она замена хлебу, и матери нечем будет утолить голод в этот вечер. Зато Амацьяу схватил дрейдл и давай запускать его на столе. Дрейдл промчался от одного конца стола до другого, спрыгнул на пол, закружился вихрем и подлетел к порогу. Амацьяу открыл дверь: интересно, сможет ли дрейдл нестись так же быстро по земле, как по полу? Дрейдл выскочил наружу, устремился вдоль улиц и переулков. Дети испугались и кинулись вдогонку.

Дрейдл был уже за городом. Мальчики преследовали его, но он все быстрее кружился, скакал, летел. Поднялся на гору, спустился в долину и мчался вперед. Дети устали, остановились и скоро потеряли его из виду. Горько заплакал Амацьяу: “Где мой дрейдл, где мой дрейдл?” И Надав не выдержал и всхлипнул. Обидно ему стало: ячменного хлеба нет, и дрейдл пропал.

2

Понурые возвращались домой братья. Навстречу им кролик. Надав обратился к нему:

Кролик, кролик!
Ты наш дрейдл
Не встречал в пути?
На горе, в долине,
В поле, на равнине –
Где его найти?

Кролик поднял уши, поджал хвост и собрался, было, броситься наутек, но все же ответил:

Никакого дрейдла не видал,
Голоса его я не слышал.
Только встретил хлеб ячменный.
Каравай в пыли валялся
И слезами пропитался
Матери трудом согбенной.

Кролик хотел что-то еще добавить, но испугался сердитого лица Амацьяу и убежал.

“Наверное, хлеб, который видел кролик – это тот самый, что мать собиралась купить на сегодняшний ужин!” – подумал Надав. А Амацьяу вновь заголосил: “Где мой дрейдл, где мой дрейдл?”

Дети шли дальше, и на встречу им олень. Мальчики спросили:

Олень молодой,
Скажи, дорогой,
Не знаешь ли где
Наш дрейдл-скакун
Веселый шалун?
Мы искали везде!

И ответил олень:

Я ваш дрейдл встречал,
И его я видал.
Но ужин мне свой отдадите!
Целых три дня
Кормите меня,
Коль знать где игрушка хотите!

Надав думал уж согласиться, но Амацьяу скорчил кислую мину, и олень ускакал в лес.

День кончался, надвигалась темнота. Мальчики испугались, что придется ночевать в поле. Амацьяу захныкал от голода и холода. И Надав заплакал. Он жалел мать: ей нечего поесть, и еще прибавилась тревога за сыновей. “Добрый Бог, пожалей нашу бедную мать, верни ей нас!” – воскликнул Надав.

3

Вдруг увидели братья, как голубка села на ветку. “Жалко мне вас дети, и жалко вашу мать, что тревожится за вас! – проворковала голубка, - ведь я потеряла своих птенцов, они вылетели из гнезда и не вернулись. Я скажу вам, где ваш дрейдл. Идите в лес. По дороге встретите колдуна. Проходите мимо него и не произносите ни единого слова, а то он околдует вас. Увидите вход в пещеру, а у входа – змея. Ответите на ее вопрос, и она разрешит вам войти. В пещере найдете дрейдл и поскорей возвращайтесь домой к матери!”

“Спасибо тебе, голубка!” – крикнули мальчики и поторопились в лес, пока совсем не стемнело. И видят они, сидит старик на пне, смеется, подмигивает им, а в руках у него дрейдл, и старик протягивает его детям. Надав поглядел – вроде дрейдл, как дрейдл, да только на четырех его сторонах нет заветных букв, с которых начинаются главные слова Хануки: “Чудо Великое Случилось Там”. Понял Надав, что это тот самый колдун, о котором говорила голубка.

Амацьяу хотел вскрикнуть: “Мой дрейдл!”, но Надав опередил брата, зажал ему рот ладонью, и мальчики прошли мимо, не вымолвив ни слова. И вот перед ними пещера, а у входа лежит, свернувшись, змея. Она прошипела: “Если насчитаете восемь нитей в цицит на вашей одежде – входите без страха!” Дети посчитали, и оказалось, что у Амацьяу не хватало двух нитей, а у Надава цицит были в порядке. Поэтому Надав смело вошел в пещеру, а Амацьяу остался ждать снаружи.

4

Пройдя несколько шагов в темноте, Надав увидел впереди свет. Нашупал рукой дверь, открыл ее. Взору мальчика предстал громадный ярко освещенный зал. Пол его мраморный, стены зеркальные, потолок – словно голубой небесный свод. На высоком постаменте стояла большая лампа, а в ней восемь рожков, и наверху каждого рожка – гнездо для светильника. Основание

лампы украшала надпись “Ханукия”. И слово это отражалось в зеркальных стенах бесконечное число раз.

В конце зала, где голубой свод почти сходилась с мраморным полом, возвышался золотой стол. Вокруг стола на стульях слоновой кости сидели люди. На самом высоком стуле восседал седой старик, слева и справа от него – молодые мужчины.

“Я знаю, кто вы! – смело закричал Надав, - вы – герои Маккавеи, мы помним вашу победу и празднуем Хануку!”

Старик, а это был коэн Мититьяу, приветливо улыбнулся Надаву. “Ты прав, мой мальчик, - сказал Мититьяу, - вот, возьми эту буханку ячменного хлеба и отдай матери. Это волшебный хлеб. Сколько ни отрежь – от него не убудет. А еще, когда ешь его, то чувствуешь любой вкус, какой только представишь себе!”

Надав благодарно принял из рук коэна волшебную буханку. А Мититьяу продолжил: “В придачу получи игрушку – это самый лучший дрейдл, он золотой и с крылышками!”

Тут встал из-за стола Иегуда, третий сын коэна, подошел к Надаву, прикрепил к его поясу меч и сказал: “Это тебе подарок от нас, от сыновей коэна Мититьяу!”

Ёнатан, младший сын, взял Надава за руку и вывел из пещеры, там Амацьяу ждал брата. “А теперь, дети, закройте глаза и откройте глаза!” – сказал Ёнатан мальчишкам. Надав и Амацьяу закрыли и открыли глаза и увидели, что стоят у ворот своего дома.

Мать страшно обрадовалась возвращению сыновей – ведь уже стемнело, и она начала тревожиться. Надав рассказал матери, что с ним случилось в пещере, и Дина сначала усомнилась. Но потом все ели ячменный хлеб и чувствовали то вкус мяса, то вкус рыбы, то вкус сладостей. И от буханки нисколько не ubyло. Тут уж Дина убедилась, как прав ее старший сын. И в бедном этом доме забыли про голод.

Надав и Амацьяу вдоволь наигрались дрейдлом. А меч Надава оказался так хорош, что восхищались им даже те мальчишки, которые были с ним в ссоре. Братья рассказали всем, кто хотел их слушать, о своих приключениях. И многие поторопились за город, но не нашли ни тот лес, ни ту пещеру.

Однажды в Лаг ба-омер

1

Неспроста в это замечательное утро солнце взошло пораньше – впереди праздничный день, Лаг ба-омер! Два брата, Птахья и Ивцан, тоже пробудились ни свет ни заря. Они поспешно умылись, оделись, помолились и приготoвились идти в хедер.

Итак, сегодня праздник всех детей, сегодня Лаг ба-омер. Мальчикам не придется долго сидеть в хедере. Послушают короткое объяснение учителя и – скорей за город!

Как нежна природа поздней весной! Деревья смотрят на свое отражение в реке и думают: “Ах, какой чудный лес!” Птицы шуршат в ветвях, кузнечики прыгают в траве.

Смелчаки взбираются на деревья, гордые собой озираются вокруг. А робкий мальчишка уляжется на берегу реки, и слушает, как шепчутся волны, и считает барашки на воде.

Во всех домах дети встали рано, матери дали им с собой сухие фрукты, бублики и другую провизию. Мальчики вооружились загодя приготовленными луками и стрелами и поторопились на улицу.

2

“На небе ни облачка! – воскликнул Птахья, - хоть бы дождь не собрался и не испортил нам праздник!” Ивцан поспешил сказать “Аминь!” Мальчики шли крупными шагами, торопясь в хедер. “Я думаю, мы придем первыми!” – уверенно заявил Птахья. “Конечно, первыми!” – поддакнул Ивцан.

Войдя во двор хедера, братья с разочарованием отметили, что половина их друзей уже тут как тут. Некоторые с городостью показывали свои мокрые ботинки – так рано вышли из дома, что роса на траве еще не просохла! Птахья и Ивцан позавидовали: им прежде не доводилось шагать по росе. Наконец-то явились и те, кто любит поспать подольше.

Когда все собрались, учитель напомнил детям, что в этот день много-много лет назад умер величайший знаток Торы – Шимон бар Йохай.

“Неслучайно каждый из вас, мальчики, взял с собой лук со стрелами, - сказал учитель, - ведь вы знаете, что в давние времена за великие грехи Бог наслал на людей потоп, и только праведный Ноах спасся. А потом Бог поклялся Ноаху, что больше не сотворит потопа, и когда кончились проливные дожди, и засветило солнце – на небе появилась радуга. И с тех пор радуга после дождя появляется в знак напоминания о той клятве. А во времена Шимона бар Йохая люди не грешили, значит, им нечего было бояться потопа, и, стало быть, не требовалось напоминания о клятве, поэтому радуга не появлялась на небе. А лук похож на радугу, правда? Так вот, в память о добрых временах Шимона бар Йохая дети играют в этот день луком и стрелами!”

3

Ивцану было не до радуги. Он думал о том, что яйцо, которое мать положила ему в сумку, меньше яйца в сумке Птахьи. И пока брат слушал учителя, Ивцан незаметно поменял яйца. К своему неудовольствию он обнаружил, что яйцо в сумке брата снова больше. Он опять переложил яйца, и вновь ему показалось, что он в обиде. И так он искал свою выгоду до тех пор, пока яйцо в сумке Птахьи не разбилось.

Птахья, когда увидел свою беду, очень огорчился. Товарищи предлагали ему поделиться с ним едой, но их щедрость не утешила Птахью. И Ивцан был опечален не меньше брата. Один горевал о яйце, а другой страдал от чувства вины. Ивцан предложил Птахье всю свою еду, но тот, конечно, не согласился и плакал. А Ивцан не набрался смелости признаться брату.

Дети дошли до леса. Один из мальчиков радостно воскликнул: “Смотрите все! Какое чистое небо, как сияет солнце! Пусть не соберутся сегодня облака!” И все дети крикнули: “Аминь!” А Ивцан на сей раз не произнес это слово. Он подумал: “Я не имею право говорить молитву вместе со всеми. Я вор. А молитва вора гневит Бога. Он закроет солнце тучами, и найдет дождь, и праздник будет испорчен. По моей вине. За слезы брата!” И Ивцан с горечью вспомнил историю Каина и Авеля.

Только дети уселись на траве и принялись за трапезу, как подул холодный северный ветер, и на чистом небе показалось невинное на первый взгляд облачко. Учитель взглянул на него и сказал ученикам, что, как ни жаль, а надо возвращаться домой – собирается дождь.

Мальчики в душе посетовали на учителя, испугавшегося маленького облака. Но очень скоро ветер усилился, поднялись столбы пыли, черные тучи закрыли солнце, молния и гром возвестили о грозе. Только дети успели дойти до хедера, как хлынул проливной дождь.

Неудача опечалила всех, но больше других горевал Ивцан. Совесть мучила его – ведь из-за того, что он согрешил, Бог наказал ни в чем не повинных детей.

С тех пор, как вспомнят ребята о неудавшемся празднике Лаг ба-омер, Ивцан тяжело вздохнет, и слезы навернутся у него на глаза.

Чудесная птица

1

Отец купил Якову занимательную книгу. Мальчик собрался читать, но младший брат мешал ему. Заглядывал через плечо, просил показать картинки, хныкал, мол, почитай мне вслух. Наконец, Яков рассердился, изгнал малыша из комнаты и принялся за чтение.

Это история гигантской птицы.

“Наверное, птица Зиз!” - подумал Яков и вспомнил, как в хедере он говорил с товарищами о чудовищной ее величине.

Героиня книжки обитает в далеких заморских краях. Она так огромна, что, хотя ноги ее стоят на дне океана, голова упирается в небеса.

Мимо проплывал корабль, и капитан, увидев, что вода доходит птице только до щиколоток, испугался: “Океан обмелел!” Но корабельный плотник успокоил своего командира, дескать, семь лет назад он уронил здесь свой топор, и тот еще не достиг дна.

“Помню, и учитель упоминал об этом, когда рассказывал про птицу Зиз! – пробормотал Яков, - однако, интересно, что дальше.”

Птица, что описана в книге, живет безмерно долго. Тысячи поколений орлов сменились перед ее глазами – от слабых птенцов до дряхлых стариков. А ведь орел имеет славу догожителя среди пернатых! Многих мудрецов пережила птица, а глупцов – и того больше! Немало повидала она, немало слышала за свою нескончаемую жизнь.

Кто-то скажет, что птица эта – мудра, ведь ее ум впитал за долгие годы много знаний. А другой возразит, что она глупа, потому что глаза ее в небесах, и ни земли ни людей они не видят.

Яков подумал: “Пожалуй, тот, кто считает птицу мудрой – справедлив, а другой – просто завистник. Говорил же отец, что когда один завидует другому, то старается найти у того изъян, а не найдет – то и силу слабостью назовет!”

Пока молодая была, птица радовалась, что растет и растет и становится больше всех прочих птиц. Она так говорила сама себе: “Чем я больше, тем я сильнее. Сильному легко быть добрым, не то, что слабому! А я непременно хочу быть доброй. Сильный может быть добрым даже с врагом, потому, что враг ему не страшен. Если я буду доброй с врагами, то и они станут добры ко мне, и, значит, перестанут быть моими врагами. Все будут меня любить!” Повзрослев, птица узнала про зависть и неблагодарность.

2

Яков пожалел младшего брата, вернул его в комнату, усадил рядом с собой и стал показывать ему картинки в книге. Вот она, эта гигантская птица. Ноги на дне океана, а голова выше облаков. Крылья так велики, что если вздумает их расправить – закроет солнце. А на другой картинке нарисовано огромное яйцо, которое снесла птица. Чтобы обойти вокруг яйца, требуется пятьдесят шагов.

“Птица Зиз снесла такое же яйцо!” – подумал Яков. “А птица эта летает?” – спросил малыш. “Почитаем – узнаем!” – ответил Яков и принялся читать вслух.

А дальше написано в книге, что, может быть, и правы те завистники, кто называет птицу глупой. Ведь если она видит только облака да звезды, стало быть дела людей ей неведомы! Откуда же взяться мудрости? Не с неба же она явится!

Как уже сказано было, героя книги живет с незапамятных времен. А ведь все Божьи твари, все без исключения, мечтают жить очень долго, а лучше всего совсем не умирать. Не удивительно, что на нашу птицу обрушилась зависть всех прочих птиц, да и людей тоже.

“В город Луз ангел смерти не заходит, и люди там не умирают!” – вспомнил Яков.

Итак, гигантская птица превосходит всех прочих пернатых своей величиной, и жизнь ее нескончаема. Никто точно не знает: эти два свойства птицы – достоинства или недостатки? Но всем ясно, что нет ей равных ни в том, ни в другом. А Бог так устроил свои творения, что они не любят тех, от кого безнадежно отстают, считают их выскочками, гонят от себя, сочиняют про них злые небылицы.

Ах, как ошибалась птица! По молодости надеялась стать общей любимицей, коли она большая и сильная, а вышло наоборот – никому не мила!

А еще ошибалась птица, полагая, что если достигнет огромного размера, то и сила ее будет огромна. Однако, тело ее столь тяжело, что крылья не могут поднять его в воздух, и птица наша не способна летать.

Тут Яков посмотрел на младшего брата: “Вот ответ на твой вопрос!”

3

И еще одна беда была у птицы.

Скажем, наступит птица на острый камень, и надо бы шагнуть и переставить ногу на безопасное место: вдруг ноге больно! Однако, сначала сообщение от ноги должно поступить в голову птицы, и тогда мозг решит, больно ли ноге, и если больно, то он скамандует сделать шаг.

Но вспомним, как велико расстояние от ступни до макушки! Годы нужны, чтобы сообщение прошло путь снизу доверху. А потом еще годы потребуются для передачи приказа сверху вниз. За это время или вода обточит острый камень, или птица забудет о ране, или случится новая беда. Хотя, если подумать, совсем неплохо, что пока сообщение от ноги к голове находится в пути, птица не чувствует боли!

Прочитавши это, Яков недоуменно почесал в затылке.

Бог наградил нашу птицу большими и мягкими перьями. Другие пернатые вырывали их и устилали ими свои гнезда. Они знали, что им ничего не грозит. Допустим даже, что гигантская птица заметит потерю и задумает отомстить обидчикам. Но пока она заметит и пока задумает, пройдет так много времени, что не только птицы-воришки, но и птенцы их успеют окончить свою жизнь.

Безнаказанность поощряет злодейство. Хищники кусали птицу за огромные ее ноги, безжалостно отрывали куски мяса. Черви присасывались к тем местам тела, где вырваны перья, и пили кровь.

Наша птица давно уж поняла, что из-за гигантского роста и долгой жизни она терпит бесконечные беды. Но что ей делать? Надо уходить. А согласятся ли ноги унести ее в другое место? И вот она послала ногам отчаянное сообщение:

Ах, мои верные ноги!
Станьте опять легконоги!
Перья мои ощипали,
Тело мое истрепали!
Болят и гноятся раны,
Их черви сосут, тираны!
Вы, ноги, меня носили,
Несите же вновь, коли в силе!

Яков прочитал это сообщение в стихах и взглянул на брата. А малыш уснул. “Когда же кончатся страдания птицы?” – гневно подумал Яков. Он собрался было перевернуть страницу, но последние листы в книге оказались неразрезаны. А день этот был субботний, значит разрезать страницы нельзя. Яков огорчился: “Как жаль, что надо ждать. Только завтра узнаю, чем история кончилась!”

Шаловливый ягненок

1

Устав от дневной жары, овца улеглась на траву. Ее уже успели подоить, и она честно отдала положенную порцию молока. В этом году она постаралась пораньше отрастить шерсть, и уж давно пострижена пастухом. Значит, этим вечером никто не станет беспокоить ее ни стрижкой, ни дойкой, и она заслуженно отдохнет.

Возле овцы резвился ягненок. Мать старалась унять озорника. Она собралась рассказать ему поучительную историю. Случай не выдуман, он взят из жизни. Овца вчера начала рассказ, но не закончила. “Сиди спокойно, глупыш, слушай внимательно, не беспокой стадо!” – сказала мать ягненку и нежно лизнула его языком. Наконец, шалун угомонился и приготовился слушать.

Сторожившая стадо собака наострила уши – ей тоже было интересно. Но она не повернула голову в сторону рассказчицы, чтоб никто не подумал, что старшая над стадом готова слушать болтовню глупой овцы. Да и что может рассказать овца из своей жизни, полной страхов и тревог? Наверняка, чтонибудь жалостливое. И сердце собаки размягчится, а это плохо, ведь мягкосердечная собака не может занимать должность сторожа при стаде!

Зато осел, на котором ездил пастух, не скрывал своего интереса к предстоящему рассказу. Он устался на овцу и если бы не был ленив, то подошел бы к ней поближе.

И баран проявил любопытство. Он первым делом навел порядок в стаде, установил тишину. Боднул нескольких неугомонных овец, крикнул: “Тихо! Не мешать!” И приготовился слушать.

И вот, овца заговорила. Но она не продолжила рассказ с того места, на котором прервала его вчера. Она начала с начала. Это черта всех любителей поговорить – они готовы повторять одно и то же множество раз.

2

Я была юная овечка. Я сосала молоко матери и уже училась помаленьку щипать траву. Наше стадо паслось в долине меж гор. Как хорошо было кругом! Зеленый луг, чистая вода в ручье, песни пастушьей свирели. Господь благословил вымя мой матери – только коснусь его губами, и молоко брызнет в рот! Я не знала дурного. Я плясала, и прыгала, и резвилась со сверстниками. “Как я сейчас!” – перебил ягненок. “Да, как ты сейчас, - со вздохом сказала мать, - однако, тихо! Не мешай мне!”

А теперь послушай, как я впервые испытала страх. Однажды ночью, когда стадо мирно дремало, безмятежную тишину разорвал страшный гром, и молния зловеще блеснула. Пастух побежал куда-то сквозь стадо, расшвыривая ногами овец. И вновь гром, и опять молния! Что случилось? Ведь ночное небо усеяно звездами, и ни облачка на нем. Не бывает грозы без туч!

Овцы дрожали от страха. Овечки и ягнята жались к матерям, плакали. Утром мы узнали, что случилось ночью. Баран объяснил нам, что то не гроза была. То пастух стрелял из ружья. А все потому, что волк пробрался в стадо. Зверь не успел причинить много зла и загрыз только одну овцу. Храбрый пастух стрелял в хищника и убил его. Выстрелы из ружья мы приняли за гром и молнию.

Как мы полюбили нашего пастуха! Он спас нас от волка! Если бы не его отвага, все стадо погибло бы! Следующие ночи мы чувствовали себя в безопасности. “Пастух – наша верная защита!” – думали мы.

Ягненку стало страшно. Мать прервала рассказ, стала на ноги, чтобы сынок мог посасать молока и успокоиться. Потом овца вновь заговорила.

3

Однажды пастух привел в стадо какого-то незнакомого нам человека. Огромный живот его выдавался далеко вперед. От него исходил запах крови. Взрослые овцы сразу поняли, что готовится что-то страшное, а мы, незнающий жизни молодой, думали, что нам нечего бояться, ведь мы под защитой пастуха! Он спасет нас от нового зла, как когда-то спас от волка. И юные неопытные овечки принялись на радостях плясать, и я вместе со всеми.

Но пастух почему-то говорил с толстопузым дружелюбно, сопровождал его, показывал стадо. Незнакомец опустился на колени, и я с ужасом увидела, что он схватил мою подружку и связал ей ноги. Бедняжка заплакала, стала звать на помощь. И тут меня постигла такая же участь. Сам пастух связал меня и отдал в руки жирному злодею.

От страха я лишилась чувств. Когда пришла в себя, обнаружила, что я и мои подружки лежим на телеге со связанными ногами. Наши матери окружили телегу, громко и истошно зарыдали, и мы подхватили их плач и стали молить сторожевых собак о помощи. Но собакам было не до нас. Толстый душегуб угостил их мясом, и они жадно пожирали кровавые куски.

Собака, которая слушала рассказ, сочла обидными слова овцы в адрес своих собратьев. “Какая глупая овца! – прорычала собака, - звала нас на помощь, думала, мы спасем овец от пастуха! Да ведь собаки-то служат не стаду, а пастуху!”

Овца вздохнула тяжело и продолжила рассказ.

Незнакомец осматривал нас, лежавших на телеге. Некоторых он освободил – ему нужны были только самые кудрявые овечки.

“Наша шкура – наш враг! – категорически провозгласил осел, - однажды нагрузили меня сверх меры, а дорога тяжелая, по болоту да по грязи. И я упал на колени и твердо решил, что пусть хоть палками меня бьют, не пойду дальше, пока не облегчат ношу! Думал, удалась моя хитрость. А погонщик сказал мальчишке-помощнику, мол осла не переупрямишь, возьми-ка лучше нож, да сдери со скотины шкуру – пригодится. Тут я мигом встал и из последних сил потащился вперед. Вот я и говорю, что наша шкура – наш враг!”

Слушатели переглянулись. Никто не стал спорить с ослом, но и никто не согласился с ним. И что следует из его слов? Шкура – враг? Или, быть может, друг?

Осел окончил свою речь, и вновь зазвучал печальный голос овцы.

4

Телега наша двинулась вперед, а мы, несчастные, горько плакали. Вот мы и в городе, завезли нас в какой-то двор. Навстречу выбажали из дома мальчишки. Один запел:

Ах, моя овечка,
Прыгни на крылечко!
Остригу твои кудряшки,
Молоко попью из чашки!
Станешь ты моей подружкой,
Хвост твой будет мне игрушкой!

А другой, еще злее первого, захлопал в ладоши и подхватил:

Ах, моя овечка,
Прыгни на крылечко!
Я сварю тебя в котле,
Будешь яством на столе!
Сало вытоплю на свечи,
Шкура ляжет мне на плечи!

Среди мальчишек нашелся один хороший, добрый и ясноглазый. Вот его песенка:

Ах, моя овечка,
Прыгни на крылечко!
В доме брат мой и сестра
Дожидаются с утра.
Будешь ты у нас и сытой,
И расчесаной и мытой!

Мы были благодарны доброму мальчику. Нас еще не развязали, но мы уже поклялись любить его всем сердцем. И ясноглазый парнишка понял нашу клятву и сказал “Аминь!”

5

Увы, овце так и не удалось рассказать, чем кончились ее злоключения. Шаловливому ягненку надоело слушать. Он стал на ножки, запрыгал, засмеялся. Потом поскакал к товарищам – мериться с ними силой. Тщетно мать старалась уговорить свое чадо, напрасно уговаривала его дослушать до конца...

Словно заколдован был рассказ овцы. Дойдет она до этого места, и ягненок убегает. А на следующий вечер овца принималась рассказывать с начала: ведь она не умела продолжать с середины. И так повторялось изо дня в день. Поэтому ягненок так и не узнал самого главного – как матери удалось спастись из дома жирного злодея и вернуться в стадо.

Однажды вечером петух кричал непрерывно. А это знак того, что должно что-то случиться, возможно, что-то плохое. Осел чихнул – и это тоже тревожный признак. В сердце ягненка закралась печаль. Он уснул у матери под боком. Ему приснился страшный сон. Будто толстый человек схватил его, связал ему ноги и швырнул в телегу.

Ягненок в страхе проснулся и понял, что сон оказался явью. Он лежал связанный на телеге, а рядом с ним в таком же жалком положении находился его товарищи, все кричали, стонали, плакали. В глазах нашего ягненка показались горькие бессильные слезы. “Со мной случилось то же, что и с мамой! – рыдая, проговорил шаловливый ягненок, - я не слушал рассказ до конца, и не знаю, как спастись!”

Телега въехала во двор. Навстречу выбежали мальчишки. Одни из них, должно быть, самый жестокий, запел:

Ах, ты, мой ягненок!
Отпрыгался, бесенок!
Попадешь ты к резнику,
А потом к меховщику.
Острый нож уже готов,
Печь полна сосновых дров!
Мясо нажное зажарим,

Шкуру повару подарим!
Вот, не слушал мать упрямо,
Плачешь ты, и плачет мама...

Царь птиц

1

Ворон торжественно парил в небе. Описав несколько кругов, чернокрылый вестник сел на высокую крышу и объявил птицам, что следует ожидать скорого прибытия орла. Все окрестные пернатые – куры, гуси, утки, лебеди, голуби – все страшно взволновались. Ведь орел – это царь птиц. Царь прилетает!

Новость эта мигом достигла птичников, курятников, голубятен, гнезд. Только и разговоров о предстоящем великом событии. Старых, умудренных жизненным опытом птиц охватил страх – кто знает, чего ждать от визита властелина? Молодые и горячие птицы преисполнились надежд и гордости: “О гнусных деяниях кота мы смело донесем нашему покровителю, и он защитит свое пернатое племя от произвола тирана!”

- Кот душит наших братьев и сестер, мы потребуем расплаты! – пропищали цыплята.
- Он вчера утащил моего брата! – поддакнул утенок.
- Заблуждаетесь, детки! Когти орла страшнее когтей кота! – возразила старая гусыня.
- Трусиха! Орел непременно услышит наш громкий голос! – ответили храбрые птенцы.

Начались приготовления к прилету царя. Чем накормить всевластного гостя? Птицы стали бросать жребий. У гусей вышло, что к столу орла надо подать сочных цыплят, а куриное счастье указало на нежное мясо гусят.

Мышонок высунулся из норки, увидел цыпленка и пискнул:

Цыпленок, дружок,
Где наш общий вражок?
Злой и усатый,
Кот волосатый?

“Нет у нас общих врагов!” – гордо ответил цыпленок и добавил:

Пусть боятся кошки –
Маленькие сошки!
Всех орел покарает,
Кто птиц обижает!

Я кошке зараз
Выключю глаз!
Сам увидишь потом,
Как расправлюсь с котом!
Бояться нам нечего
Ни днем, ни вечером!

Цыпленок хоть и знал в глубине души, что не посмеет напасть на кота или кошку, но все-таки бахвалился перед дружкой. Надеялся, что как только мышонок заметит своего врага – сразу спрячется в нору и не увидит, как желторотый струсил!

Перепуганный насмерть серый грызун поспешил укрыться в своем убежище и рассказал собратьям о безумной дерзости цыпленка. Изумленные мыши со страху съели в этот день чуть ни все запасы зерна в кладовой.

2

Время шло, и приближался день прибытия царя. Кот, казалось, ничем не был озабочен и ел сытно, и цыплят на дворе становилось все меньше.

Птицы терпели произвол кота-тирана и утешались, как могли. Петух горланил песню собственного сочинения:

Кукареку, кукареку,
Несъедобен я от веку!
Царь не станет меня есть:
Жирных куриц тут не счесть!
Ни к чему орлу калека,
Кукареку, кукареку!

Красавица лебедка глянула на свое отражение в зеркале воды и тоже запела:

Ты бог наш и царь,
Прилетай, государь!
Ты горд и велик,
Силен, светлолик!
Славу твою
Я воспою!
Красу подарю
Свою я царю!
Мной будешь гордиться,
Коль стану царицей!
Ты бог наш и царь,
Прилетай, государь!

И настал день. Сшиблись ветры с разных сторон. Поднялась, расверипела буря. Черные тучи затянули чистое небо, скрыли ясное солнце. Молнии прорвались сквозь черную толщу, гром потряс землю. Поняли птицы – это знак: царь летит!

Первым, кто встретил царя птиц и представился ему, был не кто иной, как кот. Птенцы же сказали, что не они, а старшие птицы должны начать разговор с орлом, ибо не гоже зеленой молодости заступать дорогу многоопытной зрелости. Но взрослых птиц охватил страх, и не хватило у них духу приблизиться к владыке.

Кот поднес гостю приготовленное курами и гусями блюдо жирного птичьего мяса. За щедрым угощением надолго затянулась доверительная беседа орла с котом. И даже самые храбрые из старых птиц не осмелились обратиться к орлу с их делом, дабы не прерывать царскую трапезу. Да и последующие дни никто из пернатых не говорил с царем с глазу на глаз.

Подошел к концу царский визит. Кот завоевал доверие орла, не скупясь угощая его мышами. Чтобы не оставаться в долгу, высокий гость настоял на составлении письменного договора, из коего следовало, что за каждую мышиную нору, обитателями которой полакомился орел, коту причитается разорение одного птичьего гнезда. И оба подписали равноправный документ.

Орел расправил крылья, приготовился тронуться в обратный путь. И тут птицы, наконец, решились – подали жалобу своему покровителю. Справедливый царь не мог оставить без внимания невзгоды подданных. Поэтому он поручил коту разобраться с жалобой и поступить с ней по чести.

“Да воцарится покой в сердце Вашего величества! – промолвил кот, - не пожалею сил и времени, не пощажу когтей и зубов, но правду найду, и справедливость утвержу!”

“Благословение когтям кошачьим!” – воскликнул орел и взмыл в небеса. “Силу клюву орлиному!” – прокричал на прощанье кот.

Пожилые птицы посмотрели на разруху, царившую в гнездах, в птичниках да в курятниках, и горе переполнило старые сердца. “Смотрите, поколение юное, поколение смелое, что творится на глазах доброго царя!” А молодые сетовали на стариков: “Души трусливые! Три дня и три ночи владыка дожидался беседы, а вы не набрались храбрости предстать пред очи царские!”

Красавчик Хэмдан

1

Слушайте внимательно эту правдивую историю, дорогие девочки и мальчики. Она приключилась в древней Ассирии, неподалеку от известной вам горы Табор. И хотя с тех давних пор минули тысячи лет, отзвук тех событий слышен и по сей день, и об этом вы узнаете в конце рассказа.

У отца и матери рос сын по имени Хэмдан. Бог наградил юношу необычайной красотой, и поэтому люди прозвали его Красавчик Хэмдан. А еще у Хэмдана был изумительный голос, и он весьма искусно играл на арфе.

Хэмдан любил выйти в поле и прогуляться среди благодатных нив. Крестьяне, завидив его, не могли наглядеться на необычайную красу. Они откладывали серпы и снопы и замороженно глядели вслед Красавчику Хэмдану. А когда он шел по городской улице, прохожие останавливались и шептали друг другу: “Смотрите, смотрите какой красивый юноша!” Что уж говорить о молодых девицах – те стояли у окон, и глаза их лучились неподдельным обожанием.

Иными словами, люди любили Хэмдана, ибо созерцание красоты услаждает сердце человека.

Но одно печальное обстоятельство удручало юношу. Лишь до тех пор Хэмдан очаровывал людей, пока он не слышал их похвал. Только донесется до его ушей слова “Ах, как он красив!” или “Как он прелестен!”, и он возрадуется красе своей – тотчас исказятся совершенные черты лица, и оно превратится в уродливое. И уста, что минуту назад изрекали слова восхищения, примутся срамить и поносить безобразный лик. Смолкнут похвалы – и вернется красота.

И нечто похожее случалось с Хэмданом, когда он брал в руки свою любимую арфу.

Люди внимали его чудной игре и нежному пению, и не оставалось равнодушных к прекрасной музыке. Те, чья жизнь состояла из тяжелого труда и лишений, внимали сладким звукам и забывали о муках и горестях, и огрубевшие сердца их размягчались. Жившие в довольстве и не знавшие бед, проникались жалостью к горемычным, и увлажнялись не ведавшие слез глаза. Иными словами, в те минуты, что арфа звучала в руках Хэмдана, несчастные становились счастливыми, а счастливые плакали.

Но только услышит юноша восторженные похвалы его мастерству, как тут же дивные звуки арфы превратятся в беспорядочное громохание медных чашек, и голос певца охрипнет, и люди погонят прочь нерадивого музыканта, и не дано ему будет порадоваться таланту своему .

2

Горько плакал Красавчик Хэмдан. “Бог, милостивый, - восклицал порой юноша, - ты удостоил меня чудесными дарованиями, приносящими радость людям! Отчего же, добрый Бог, меня самого ты лишил счастья наслаждаться щедротами твоими?”

Погоревав, Хэмдан шел на другую улицу, где прежде не знали его красоты, или принимался играть на арфе и петь для других слушателей. Увы, разочарование возвращалось к нему. Люди радовались красоте и наслаждались игрой и пением, потом хвалили Хэмдана, и он слышал похвалы, и превращался в урод, и игра и голос становились безобразными, и его гнали с негодованием.

Не найдя утешения среди людей, Хэмдан ушел из города. Он взглянул на зеркальную воду озера и возликовал от вида необычайной красоты своей. Но в следующий миг она исчезла, и прекрасное лицо исказилось. Хэмдан лег на землю и уснул с разбитым сердцем.

Львы, тигры и прочие дикие звери почуяли нюхом запах живой крови и приблизились к спящему юноше с известными намерениями. Но, узрев Хэмдана, хищники не в силах были причинить зло необычайно красивому юноше. Когти сами спрятались, пасти сомкнулись и скрыли страшные клыки, первоначальные намерения уступили место восхищению. Значит, не только люди, но и животные понимают и берегут красоту!

“Как он прекрасен! Какое чудо!” – как могли тихо, чтобы не разбудить спящего, хриплым шепотом прорычали звери. Но Хэмдан проснулся и услышал восторженные слова. И прекрасный лик исказился, и вид юноши стал столь отвратителен, что хищники побрезговали прикоснуться к Хэмдану и не сочли его пригодным для трапезы. С глухим ворчанием они отступили и ушли восвояси.

И хотя на сей раз превращение красоты в уродство спасло жизнь Хэмдану, он не испытал радости, а еще больше проникся горем.

3

Красавчик Хэмдан возопил о своей беде, и на сей раз Небеса услышали вопль несчастного. Прогредел гром, сверкнула молния, и откуда-то из-за туч, что собрались над вершинами дальних гор, спустился всадник на коне. То был ангел небесный.

“Слушай меня, Хэмдан! – промолвил посланец Небес, - прежде всего встань с колен и уйми слезы! В жизни у тебя есть два пути. Первый: ты и достоинства твои будут всеми любимы, но сам ты не насладишься ни ими, ни чужой любовью к ним. Второй: величие твое станет услугой тебе, но в глазах всех ты останешься ничтожен. Сейчас, Хэмдан, ты стоишь на первом пути. И так будет до тех пор, пока не позовешь меня вновь и не скажешь что выбрал второй путь!”

Ангел умчался верхом на коне, а потрясенный Хэмдан стоял, как вкопанный, на своем месте и глядел вслед всаднику.

Ни первый, ни второй путь не были по душе Красавчику Хэмдану. Он хотел получить лучшую часть от каждого из двух. Хэмдан погрузился в тяжкую думу. Что хуже, и что предпочесть? Он

не мог сделать выбор. Он не ел и не пил. Сухой ветер высушил его мозг, лучи солнца испепелили его внутренности. Хэмдан ни на что не решился, он превратился в каменный столб, и безжизненное это изваяние осталось стоять в открытом поле.

Каждый год, в тот самый день, когда когда-то ангел спустился с Небес, камень оживает и обретает черты прекрасного Хэмдана. Сбегаются звери, слетаются птицы. Воскресший юноша принимается петь, и льется чудесная музыка. Звери и птицы любят сказочной красотой, слушают чарующее пение и восторгаются. Но только прозвучат хвалебные слова – и смолкнет голос, и прекрасный юноша вновь обратится в камень.

И так случается каждый год по сей день. Вот почему, дорогие девочки и мальчики, в начале этой правдивой истории сказано было, что отзвук древних времен слышен до сих пор.

Посланцы весны

Календарь говорит: “Зиме конец!” Снег растаял и превратился в воду, вода собралась в ручьи, ручьи соединились в потоки, потоки влились в реки, реки устремились в моря.

Но холод не хотел отступать. Он гадал, двинуться ли на север или, не трогаясь с места, продолжать отвоевывать еще день, и еще день.

В глубине своей ледяной души холод, конечно, понимал, что кончилась его власть, и пора уносить ноги. Но он хотел уйти достойно, чтоб не говорили о нем, будто испугался и бежал без оглядки. Пусть лучше скажут: “Он идет туда, где ему рады, чтобы властвовать на другом законном месте!”

А весна озабочена: “Кто возвестит обитателям земли о моем приходе?” Мигом певчие птицы окружили весну и загомонили: “Пошли нас, и мы полетим и станем петь твои песни!”

Среди птиц была и сова. Глядя на весну с обидой и с надеждой, она промолвила не без труда: “Каждый год ты достаиваешь разных птиц сообщать о твоём приходе. Только сову ты обходишь стороной. Отправь на этот раз меня, и я сослужу тебе добрую службу!”

Весна пожалела сову и сказала: “Лети и передай жителям земли, что настал конец зиме, и пришла весна!”

И обрадовалась сова и пустилась в путь. Она летела по ночам, а днем пряталась от солнца. Ничего удивительного в этом нет. Ведь сова – ночная птица, ибо Бог дал ей глаза не такие, как другим своим творениям. Только взойдет дневное светило, и сразу лучи его ослепят сову. Поэтому днем она скрывается от света в темных местах – то в дупле, то в пещере. Там, где синева небес не видна – там эта птица зрячая.

Вот прошли три дня и три ночи полета, и сова решила, что пора объявлять о приходе весны. Она расположилась у входа в свое убежище и закричала:

Эй, пробудитесь!
Закройте глаза!
Вот, убедитесь:
Весны голоса!

Солнце сияет,
Жутко вокруг,
Кто теперь знает:
Где враг, а где друг?

Услыхав зов посланца весны, земная живность стала просыпаться. Но у совы голос жалобный, плачущий. Даже если захочет эта птица спеть что-нибудь радостное, все равно выйдет грустно, и невольный вздох вырвется из ее горла. Слушавшие сову загрустили, а некоторые даже заплакали: “Дождемся ли радостных вестей?”

Опечалилось солнце, приуныла луна, померкли звезды, омрачились небеса. Зато ободрился холод. Он нагнал на землю снег с дождем вперемешку и ледяным ветром упрочил успех.

Садовые деревья ужаснулись, испугавшись заморозков. Безжизненно упали головки ранних полевых цветов. А пробудившиеся обитатели земли подумали, что поторопились, и стали возвращаться в зимние убежища.

Увидела весна, как неуспешно посланничество совы, и отправила ласточку спасти божий мир.

Ласточка летела днем и ночью, при солнечном свете и при свете луны. И по иному задышала природа. Холод убоялся шороха ласточкиных крыльев и отступил, не медля. Растаяли в небе черные тучи, весело рассмеялось солнце, и лучи его понесли тепло на землю.

Ласточка запела:

Ласточка я!
С весной вас, друзья!
Взмахну я крылом –
Повеет теплом!

Розы в садах,
Плоды на грядках –
Станут цвести,
Станут расти!

Узнает земля весны волшебство,
Поверит природа в весны торжество!

Люди распахнули окна, приветствуя свежий ветер и чистый воздух, вышли из дому навстречу шелесту леса, зелени полей, голубизне небес. Ласточка привела весну, и нет в том сомнения!

Близнецы

1

Сын философа женился на дочери пророка. Молодая чета ожидала прибавления семейства. Тягостны были дни эти для будущей матери, женщины хрупкого здоровья.

Отец сострадал ей: “Оттого мучаешься ты, что дитя в чреве твоём станет пророком мне на смену. Пока вещает пророк – он любим людьми, замолчит – забудут о нём. Потому тяжела участь пророка и матери его!”

И свекор сочувствовал ей: “Оттого нелегко тебе, что дитя под сердцем твоим станет философом мне на смену. Он будет искать причины вещей, а дело это невероятно трудное. Потому тяжела участь философа и матери его!”

И родились близнецы. В радостный день появления на свет потомства случилось в семье огромное горе. Не вынеся мучительных родов, скончалась молодая мать. Беда не приходит одна, и в тот же день ангел смерти унес души обоих дедов.

Счастливым и несчастным отец близнецов передал младенцев на руки кормилице. Она полюбила сироток и, когда отлучила их от груди, не захотела отдавать обоим родителю, и он взял только одного и увез с собой в другой город, а второй мальчик остался у кормилицы.

Видно, бедствия на роду были написаны близнецам. Умерли их отец и кормилица, и воспитывались они у добрых людей в разных городах, и друг о друге ничего не знали.

2

Один из братьев был любознателен и чрезвычайно умен. Он проник в тайны звезд и земли, изучил все страны и моря, знал повадки животных, птиц и рыб, да и чего только он не знал! Он посвятил себя размышлениям, ибо любил и умел думать и собственным умом доходил до важных вещей. Вот только красноречием Бог не одарил его, и мысли свои он выражал косноязычно. Когда говорил – терялся, путался, заикался, и никто не мог понять его. В насмешку люди прозвали его Философом.

У второго брата была другая беда. Не умел он думать, словно мозг его из глины сделан. Предается раздумью о чем-либо, и тут же почувствует усталость смертельную, и мысль его не двинется с места, и он начнет зевать и уснет. Зато красноречив он был несказанно. Говорил

красиво и много – соловьем заливался! Люди слушали его с наслаждением, забавали про еду и про сон и уважительно величали Пророком.

Того, кто умел думать, но не мастер был говорить, люди не любили и знали по недостатку его, а другого, который думать не мог, но боек был на язык, люди обожали и отличали по достоинству его.

Итак, Философ и Пророк жили в разных городах и ничего друг о друге не знали. Но ведь они же близнецы, люди одной крови, значит, должна быть некая связь меж ними!

Братья были словно две стороны одного листа книги. На одной странице значились мысли Философа, на другой – речи Пророка. Иными словами, что думал Философ, то вещал Пророк!

3

Философ почти все время размышлял, поэтому Пророк мог говорить в любой час. А если почему-либо Философ прекращал мыслить, то Пророк смолкал и стоял в растерянности с разинутым ртом, и тут уж и на его долю приходились насмешки.

Вознаграждение за красивые речи щедро, и Пророк жил в довольстве. Зато Философ бедствовал и зачастую даже голодал, ибо плоды его усилий оставались скрыты, а коли не признан труд – нет и платы за него!

Когда совсем туго приходилось Философу, он размышлял о скудости бытия своего, и тогда Пророк с высокого помоста предвещал слушателям голод за грехи. И люди верили и даже готовы были объявить пост во искупление вины. И, принимая неизбежное, вопрошали: “Ведь если не миновать голода, то зачем же пахать и сеять?” – и не трудились в поле, и наступал голод в точности по слову Пророка.

А если Философ обдумывал, как встретить тяжелую годину и изобретал при этом разные средства в голове своей, то Пророк наставлял на запасание и сбережение зерна и муки, и все дружно следовали совету его, и спасались от нужды, и славили Пророка.

Философ много знал о разных городах и хотел бы побывать в них и довести до людей свои мысли, но где взять денег на дорогу, коли он едва сводил концы с концами? А Пророк становился известным по всей стране. Его приглашали, и потому не было ему нужды тратить на проезд, и везде он был желанен, и всякий город почитал за честь принимать дорогого гостя.

И вот случилось, что жители города, где жил Философ, прослышали о славе Пророка и звали его к себе. Приготовили самый большой дом, соорудили высокую сцену, и назначили дни проповедей.

4

С тех давних пор, когда братья пребывали на руках кормилицы, они впервые вновь оказались в одном городе. И, наверное, пожелали бы встретиться, если б знали о существовании друг друга.

Пророк, как всегда говорил красиво, и только и было разговоров в городе, что о его высоком слоге, и сотни уст славили краснобая. Дошли слухи и до Философа, и он сказал: “Пойду и я послушаю, так ли велик человек, как слава его велика?”

Привратник потребовал у Философа плату за вход, ибо отцы города порешили собранными деньгами расплатиться с Пророком. Сильно рассердился Философ. “Стыд! Мудрец торгует мудростью своей!” – в гневе воскликнул он и стал бормотать что-то невнятное, запутался, и вокруг засмеялись, и он ушел.

А в это самое время Пророк заговорил о деньгах, о том, что достойно осуждения домогаться их, ведь они подобны камушкам на берегу или черепкам в земле. И люди прониклись стыдом за свою алчность и выбросили деньги на мостовую. Только привратник, который стоял снаружи и не слышал проповеди, не выбросил выручку, оставив ее для Пророка.

На другой день Философ увидел валявшиеся на дороге деньги, подобрал одну монету и сказал: “Попытаю счастья еще раз. Дам это сторожу у ворот и послушаю, умна ли проповедь!”

Философ протянул монету привратнику, а тот опять преграждает путь, дескать, не велено пропускать людей в бедном платье, так как сегодня Пророк вещает только для наряженных в шелка богачей.

Сильнее прежнего рассердился Философ. “Как глупы люди, отвергающие хлопок и лен, дары благословенных нив, ради шелка, что из слюны мерзких червей изготовлен!” И, заикаясь и ворча, в гневе ушел.

Тут Пророк стал проповедовать о ложных достоинствах шелковых нарядов и осудил излишества в одежде, которые нездоровы и обременяют тело. Услыхали это люди и поторопились избавиться от шелков и заменить их на ткани из хлопка и льна.

5

Не пытался более Философ пробраться к трибуне Пророка. Он, по обыкновению своему, сидел дома и размышлял. А Пророк, тоже по обыкновению своему, оглашал людям мысли брата.

Философ начал хворать. Денег на лечение у него не было, и вскоре он слег, обессилел и уж не мог больше думать. И как только остановилась мысль Философа, так прервалась речь Пророка. А люди недоумевали: “Отчего это наш прозорливец замер на полуслове, и встал, как вкопанный, нелепо разинувши рот?”

Вскоре умер Философ – сердце остановилось вслед за мыслью. Очень скромно похоронили безвестного мыслителя, а что выбить на могильном камне – никто не знал.

Пророку же был отпущена долгая жизнь. После смерти Философа он не проповедовал – ведь сказать-то ему было нечего! А поскольку он молчал долгие годы, люди забыли красноречие и славу его, и жить ему стало непривычно тяжело.

Настал день, и умер бывший Пророк. И похоронили его весьма скромно, как когда-то хоронили брата его, а что выбить на могильном камне – никто не знал.

А теперь вспомним слова, что слыхала мать близнецов от отца и свекра. Выходит, оба деда были правы, предрекая внукам нелегкую участь.

Голод

1

Летел по небу Голод, глядел сверху вниз на города и деревни и видел, как нехорошо живут люди. Мирно и безмятежно, не знают тревог и бед, едят досыта, не боятся голода, а некоторым даже весело. “Еще, чего доброго, совсем обо мне забудут!” – подумал Голод и запел свой бодрый гимн:

Напомню вам о себе,
Чтоб знали в каждой избе:
Рука моя тяжела,
Черны, как смола, дела,
Забудете песни и пляс,
Найду я управу на вас!

Голод насладился засуху на поля, сады и виноградники, а потом явился в город послушать и порадоваться, как хулят его.

Начал Голод с торговцев. Сидят с печальными лицами. Что родила земля, того едва хватило крестьянам на прокорм семьи, и не было излишков на продажу. А когда нечего продавать, то торговля замирает, и грустит купец.

Ободренный, Голод пошел в Храм. Приуныли священники. Если мал урожай, то мала и десятина с него, для служителей Храма предназначенная – чему тут радоваться?

Довольство разлилось в душе Голода, и он направился к богачам. Побывав у толстосумов, не знал горевать или праздновать. Пользуясь бедствием, те открыли свои амбары, и давай продавать запасы втридорога, и еще больше богатели к разочарованию Голода. Однако, подсчитывая барыши, трудились в поте лица, и некогда им было поесть, и голодали.

“Пойду-ка я в квартал к ремесленникам. Там непременно ждет меня души отрада! – подумал Голод, - небось, в домах – шаром покати, дети голодные плачут, отцы выменяли на хлеб инструменты свои, а что дальше делать – не знают!”

2

Голод постучался в дверь к кузнецу Йоханану, переступил порог и узрел: ремесленник трудится, стучит молотом по железу. Заработок хорош, и детишки сыты, и голода нет в доме.

Не поверил Голод благополучию кузнеца и подумал: “Испытаю-ка я притворщика этого!” Переодевшись в рубище бедняка, он снова пришел к Йоханану, а лицо его, как и положено Голоду, бледное, щеки впалые, руки худые, дрожат.

“Смилуйся, добрый человек! Три дня я хлеба не нюхал, дай поесть, если можешь!” Ремесленник не заставил себя просить дважды. “Проходи к столу, путник, закусывай чем Бог послал!” – сказал Йоханан, поставил перед гостем горшок с похлебкой и щедро отрезал от буханки изрядный ломоть.

Голод уничтожил всю пищу с жадностью. Досадно ему было и захотел он на прощанье еще раз проверить достаток кузнеца. “Сотвори еще одно благодеяние, добрый человек! Дай мне грош на дорогу!” – попросил плачущим голосом Голод.

Кузнец подозвал жену, и та достала из узелка горсть монет, и взяла оттуда грош, и протянула гостю. “Деньги эти мы скопили на черный день, если голод придет, - пояснила жена Йоханана, - но пока Бог миловал, мы сыты, и вот тебе грош!”

Еще не кончила женщина говорить, а в дом вошел землекоп и попросил кузнеца починить ему лопату. Ремесленник взял плату за работу, и жена тут же вернула монетку в узелок.

Голод покинул гостеприимный дом, и великий гнев охватил его. “В следующем году устрой голод почище нынешнего и посмотри, как Йоханан этот запоет!” – сказал Голод и сам запел свой неизменный гимн:

Напомню вам о себе,
Чтоб знали в каждой избе:
Рука моя тяжела,
Черны, как смола, дела,
Забудете песни и пляс,
Найду я управу на вас!

3

Сдержал свое слово Голод и на другой год добавил к засухе град. Пришел в город и увидел – есть чему радоваться! Люди продавали в рабство детей своих, чтоб купить меру зерна.

“Наверное, и Йоханан своих детей отдал, чтоб с голоду не умереть!” – подумал Голод и направил свои стопы к старому знакомому. За дверью услышал стук молота. Это ремесленник трудился, как и прежде. Голод решил вновь испытать кузнеца. Одевшись в лохмотья, он предстал пред хозяином и взмолился о помощи. И, как и в прошлый раз, Йоханан усадил гостя за стол и угостил его похлебкой и хлебом. Насытившись, Голод попросил грош на дорогу, и жена кузнеца достала из узелка монетку и протянула ее гостю.

И не успел еще Голод распрощаться с хозяином и хозяйкой, как зашел в дом извозчик и заказал кузнецу починку обода для колеса телеги. Йоханан взялся за молот, а жена его вернула монетку в узелок.

Ах, как рассвирепел Голод! Да и как мириться с этим: всегда есть у кузнеца работа, и заработок хорош, и сытно в доме! Стал думать думу. Наконец, просиял лицом: “Сейчас сотворю кое-что особенное! Черти ада и дьяволы преисподней позавидуют мне!”

4

Голод созвал своих верных слуг. Явились Засуха, Град, Саранча, Болезни. “Слушайте меня внимательно! – гаркнул владыка, - даю вам передышку от дел благородных ваших, семь лет отдыхать будете!” И для верности, чтоб не нарушили план его, Голод запер слуг на замок.

И сошли на землю семь тучных лет. Засуха не иссушала пастбища и источники. Град не побивал посевы. Саранча не пожирала урожай. Болезни не губили поля и сады.

Тяжелые колосья клонились к земле. Стены амбаров ломились под грузом зерна. Едва хватало бочек в винных погребах. Несказанно выросли доходы крестьян, ремесленников, торговцев, богачей. Сияли лица служителей Храма.

Изобилие изнежило людей и приучило к сладкой жизни. Гнушались простым хлебом – сдобные булки из тонкой муки подавай. Ни пили ключевую воду – лучшими винами утоляли жажду. Забыли о простой одежде – только шелка да бархат в ходу. Воспоминания о простоте претили людям.

А что же Йоханан? А он все трудился, все стучал своим молотом по железу. Заработки выросли, но и работы прибавилось. Все не досуг ему пойти в лавку и купить подарки жене и детям. Не было в доме ни шелков, ни сдобных булок. Как-то раз случилась остановка в работе, и кузнец отправился за покупками. Пока говорил с приказчиками, время передышки вышло, и пора было возвращаться к наковальне и горну. Увидал хороший новый молот, купил впопыхах и вернулся к себе.

5

Истекли семь тучных лет всеобщей сытости. Голод выпустил из под замка Засуху, Град, Саранчу и Болезни. “Внимайте мне, верные слуги! – воскликнул Голод, - вы славно отдохнули, а теперь принимайтесь-ка за дело, да ретиво!”

Семь тощих лет сошли на землю. Все, что рождала земля – все губили подданные Голода, и отменно трудились они, новых сил набравшись.

А сам Голод пошел в город порадоваться успехам дел своих. В одном доме отец с дочерью ссорились: родитель требовал у девицы золотой перстень, чтоб продать и купить себе нюхательного табаку, к которому приохотился. В другом доме сын бранился с матерью:

“Подавай мне сдобную булку!” А у нее кроме грубой муки для простого хлеба – не было ничего. “Замечательно! – сказал Голод, - а теперь навещу-ка я своего знакомца!”

Услыхал Голод за дверью стук молота, переоделся по обыкновению в бедную одежду и зашел к кузнецу. “Будь милосерден, добрый человек, накорми, голоден я!” – пробормотал Голод привычные слова. “Проходи, ешь досыта, - ответил Йоханан, - Бог милостив, у меня в доме все есть!”

Но Голод не отступил и, поевши, вновь стал испытывать ремесленника: “Посоветуй, добрый человек, как быть мне – ведь у меня жена и семеро детей, и мы голодаем!” Задумался Йоханан, а потом говорит: “Я работу тебе дам. Год у меня трудиться будешь. Бери мой второй молот. Что заработаешь – жене и детям на пропитание, а сам с моего стола кормиться будешь!”

“Провести меня кузнец хочет, - подумал Голод, - надеется, испугаюсь я тяжелого труда и не останусь у него. А я соглашусь, и все увидят, что он обманщик, что нет у него работы, и кладовые пусты!” Так и сделал Голод, но к огорчению своему получил в руки молот, и пришлось ему целый год стучать по раскаленному железу каждый день с утра до вечера.

Голод сытно ел, но трудился тяжело. Подумал он: “И бедного и богатого, и старого и малого – всех я одолел и голодом уморил. А проклятый этот Йоханан меня одолел и работой уморил!” Чтобы вновь не явиться в этот дом, Голод, уходя, написал для себя памятку снаружи дверного косяка: “Не посетит Голод дом труженика!”

Последний грош

Велика любовь народа Израиля к Святой Земле и вечной столице ее. Как львы дрались герои, защищая Иерусалим от нашествия врагов. Один воин обращал в бегство целую вражескую армию, преследовал ее и повергал в прах. А если погибал боец, то тысячу неприятельских солдат уводил с собой в могилу.

Но множились полчища захватчиков, и потому все меньше оставалось живых героев. И когда пал последний ратоборец, жители Иерусалима закрыли ворота святого города, предпочтя голодную смерть изгнанию.

Иной была воля Бога. Он высоко чтит мужество защитников города, но наслал кару на израильтян за тяжкие грехи на их совести. Потому Господь отдал на милость врага грешных избранных и этим обрек их на утрату родины. Но не оставил Бог народ Израиля своим покровительством и берег от гибели.

Потянулись на чужбину вереницы понурых изгнанников. У входа в Бейт-Лехем, у гробницы праматери Рахели, путники пали ниц, целовали камни на могиле и неумоимо плакали. Горестные вопли сынов Израиля разверзли землю, и праматерь восстала из мертвых.

Рахель зарыдала безутешно, скорбя о несчастной судьбе потомков. Неизмеримо велико было горе ее, и из глаз потекли слезы столь обильные, что образовали подобные рекам потоки, и те устремились в Мертвое море, и оно вздыбилось сердитыми волнами, и грозило выйти из берегов и затопить все вокруг.

Тут расступились тучи, и из-за темных горных вершин раздался глас Божий: “Рахель, останови рыдания, дабы не погубить под водой Святую Землю, назначенную мною сынам твоим. Еще вернуться они в страну отцов!”

Рахель подчинилась воле Всевышнего, призвала к себе главу колена Беньямина и приказала: “Ступай в город Шхем. Там, у ворот города, увидишь фисташковое дерево. Под ним закопаны наши семейные сокровища. Среди них найдешь полный волшебных золотых монет мешок. Немедля носи его сюда!”

С неба спустилась туча, подставила крыло посланцу Рахели, тот уселся на него верхом, и ветер мигом домчал небесного всадника к фисташковому дереву. Гонец откопал клад и доставил его Рахели. Она собрала вокруг себя дорогих ее сердцу изгнанников и поделила монеты. И вот чудо! У каждого в руках оказался мешок, и в нем столько же золота, сколько было в мешке из сокровищницы у ворот Шхема!

Рахель простерла руки к сынам своим и напутствовала их такими словами: “Вы вступите на чужбину, и она не полюбит вас, ибо она мачеха вам. За хороший труд мачеха похвалит: “верные рабы”, за труд вполсилы взыщет: “лентяи”. Ум ваш назовет хитростью, а ошибку – злоумышлением. У каждого в мешке волшебное золото. Кто задумает причинить вам вред – покажите ему, как сияют на солнце монеты, и блеск этот умиротворит лиходея!”

“Мать! Доколе нам пребывать в изгнании?” – возопили сыны Израиля. “Истрачен будет последний грош из мешка – и это знак, что пришло время возвращаться на землю отцов!” – отвечала праматерь Рахель.

Народ Израиля пришел в Вавилон, в Персию, в иные страны. Везде насмехались над ним. Срамили труд его, проклинали ум его. Но всякий раз, как иудей околдует врага блеском волшебных монет – уймется злоба гонителя.

Текли столетия, и во всех концах земли, где селился бездомный народ – везде он трудился, придумывал, изобретал. Пустыни орошал, железные дороги строил, дома возводил, людей лечил, книги сочинял – не перечить всего. И за что бы ни брался – во всем преуспевал, а преуспевая – богател, а богатея – становился сильнее. Но чужбина-мачеха не любила пасынка своего.

Богатство бережет от козней недругов. Поэтому, чем больше золота наживал своим трудом народ Израиля, тем крепче стоял на ногах, и тем меньше нуждался в волшебной силе монет в мешке, и тратил их без опаски. Вот почему худел мешок израильянина. Худел, но не опустошался, ибо последний грош не исчезал!

Пусть силен стал Израиль, живя среди других народов, но кто знает, что новый день родит? Всегда может пригодиться волшебная монетка из мешка, и потому позаботилась праматерь Рахель, чтоб последний грош сам не ушел.

Выходит, никогда не станет порожним мешок, и не вернется из изгнания израильский народ?

Вернется, дорогие девочки и мальчики! Если сам захочет. Если решится и выбросит последний грош!

Труд бедняков

Задумал царь Шломо построить Храм, чтобы была у Бога обитель не только на небесах, но и на земле. “Что значит человек, если он один, хотя бы даже и царь! – подумал Шломо, - а вдруг болезнь сразит меня, и не будет сил ни скипетр поднять, ни на троне воссесть!”

“Соберутся люди, тысячи людей – посланцы всех колен Израиля – и станут возводить жилище Господу, и я наравне со всеми стану трудиться!” - рассуждал Шломо. И он бросил клич: “Милости прошу в Иерусалим, будем строить Храм!”

Израильтяне откликнулись на призыв своего царя, и вскоре закипела работа.

Образованные решили строить южную стену здания. Они знали наперед, что там разместится светильник, и это будет самое светлое место в Храме. Знания и свет идут рука об руку, потому что друзья разума тяготели к южной стене. Они же вызвались изготовить светильник и доставить масло для него.

Священники избрали для себя северную стену, и тоже неспроста. Ведь там поставят золотой стол для субботних двенадцати пресных хлебов из лучшей муки. Вкушать нежную мякоть и хрустящую корочку положено священникам, поэтому они взялись строить северную стену, а также сделать подсчет потребного золота для изготовления стола.

Богачи захотели строить восточную стену. Толстосумы всегда занимают это место, ведь восточная стена самая почетная. Однако, некоторые из них избегают ходить в Храм, скрывая свое иудейство. Но уж если такой явится, то, не задерживаясь у входа, напрямик мчится к восточной стене, дабы не уронить свое достоинство, разговаривая с Богом через порог, словно не на равных. Впрочем, богачи не пачкали рук своих – послали слуг трудиться. А те работали кое-как – ведь не для себя же!

Итак, назначены для постройки все стены, кроме западной. Она осталась на долю бедняков. А те не спешили за работу браться. “Кто мы, и что труд наш? – скромно вопрошали они в сердце своем, - мы не умны, как образованные, мы не праведны, как священники, мы не сильны, как богачи. Начнем последними, учась у других!”

Бедняки присмотрелись к работе и сами взялись за дело. Трудились радостно и с песнями, жены и дети им в помощь. Обжигали кирпичи, тесали камни, плотно пригоняли кирпич к кирпичу и камень к камню.

Бог спустился с небес посмотреть, какую обитель на земле приготовили ему люди, и понравилась Господу добросовестная работа бедняков. Поэтому он избрал для своего пребывания западную стену.

Случилось так, что в ту давнюю пору иудеи тяжело грешили в глазах Бога. И Всевышний наказал своих избранников изгнанием на чужбину, а сам вернулся на небо и не спустился более на землю. В гневе он предал Храм огню.

Загорелся Храм с четырех сторон. Уничтожило пламя южную, северную и восточную стены. Только западная стена, возведенная трудолюбивыми и умелыми руками бедняков, не поддалась огненной стихии. И поныне, напоминая о Храме, стоит она в сердце Иерусалима, и в сердце народа Израиля есть у нее удел.

Козленок

Мальчик Шмуэль очень любил слушать всевозможные истории. О звездах на небе, о рыбах в воде, о цветах в саду, о зверях в лесу и обо всем, что было и чего не было на земле. Мать рассказывала по памяти или из книжки читала, а сын внимал и не скупился на вопросы. Да и отец, когда бывал не занят работой, иной раз усадит сына напротив и поведает что-нибудь интересное. Вот и сейчас Шмуэль приготовился слушать папу, заранее разинув рот.

- Шмуэль, ты помнишь, чем закончилась пасхальная агада? – спросил отец.
- Забыл... – ответил мальчик.
- Да ведь ты еще не спал, хоть и час был поздний – вспоминай!
- Вспомнил, папа! Пели песенку про козленка!
- Молодец! А как называли этого козленка?
- Хад гадыя его называли! – выпалил Шмуэль.
- Сынок, сейчас мы побеседуем о козленке из той песенки, о хад гадыя.

И отец принялся рассказывать.

Одному мальчику папа подарил козленка. Стоил это козленок недорого, потому что был совсем маленьким. Две зузы заплатил отец. А зуза – это такая монета была в старину. Мальчик горячо

полюбил четвероногого крошку, даже цветы для него посадил в саду. Ел с ним из одной чашки, обнимал, не хотел расставаться с новым товарищем ни на минуту и берег от всякого зла. Прежде, чем друзья засыпали, мальчик пел козленку песенку:

Кровожадный злой волк
Не возьмет себе в толк:
Быстроног мой козленок,
Не догнать! Нет силенок!

Ушки кверху торчком,
Зубки белым рядком!
Мне отец подарил,
За две зузы купил!

И козленок и мальчик засыпали сладко и крепко и, конечно, видели приятные сны. А кошка, греясь на печи, глядит на безмятежных малышей и думает: “Не сегодня завтра зарежут козленка, сварят и горшок уберут в погреб. Вот я и наемся вдоволь нежного мяса!”

Но не для того две зузы потрачены были, чтобы кошкиному аппетиту угодить. Надоело ей ждать лакомства, да и голод одолевал. Она улучила минутку, набросилась на козленка, съела его всего и котяткам не оставила – они еще маленькие, и мяса не едят.

Безутешно горе мальчика. Плача, он сложил на полу козленка из маленьких косточек, оставленных кошкой после пиршества, связал их веревочкой и для тепла накрыл шубейкой – может, оживет, задышет дружок его? Не ожил несчастный козленок – кошка съела его! От горя мальчик забыл про цветы в саду, и они завяли. А когда ложился спать, вспоминал друга и говорил:

Горюю я, мой козленок,
Плакать нет уж силенок!
Помню: ушки торчком,
Помню: зубки рядком!

Ты погиб от острых когтей,
От кошкиных челюстей!
Сердцем горько скорбя,
Не забуду тебя!

Шмуэлю было ужасно жаль съеденного козленка и жаль мальчика, горевавшего о потере друга. “Это несправедливо! – воскликнул Шмуэль, - надо найти управу на эту негодную кошку!” Отец многозначительно поднял вверх указательный палец и сказал: “А вот посмотрим, сынок, что случилось дальше!”

Собака, никогда не любившая кошку, узнала про роскошный ее ужин, и набросилась на нее с лаем и рычанием. И давай трепать, и так жестоко искусила, что кровь кошачья оросила землю!

Шмуэль радостно приветствовал расправу над кошкой:

Кошка, неси свое наказание,
Как жестоки твои злодеяния!

Слабенький бедный козленок!
Мальшу не хватило силенок
Убежать от злодейки усатой,
Хищной и полосатой!

За две зузы папа козленка купил
И сынишке на радость его подарил.
Мстя за горе мальчонки, собака
Кошке задала трепку, однако!

В заключение Шмуэль решительно провозгласил собаку справедливым судьей. Но отец возразил: “Нет, сын мой, не справедливый это судья! Ведь кошка пролила кровь всего лишь потому, что была голодна, а собака пролила кровь из зависти и в гневе. Если бы она укусила кошку до того, как та съела козленка, то она сотворила бы два добрых дела – спасла бы козленка и удержала бы кошку от греха кровопролития. А что сделала собака? Она пролила кровь вдобавок к пролитой крови! И как горько плакали котята, видя мучения матери!”

Шмуэль представил себе истекающую кровью бедную кошку и плачущих ее котят, и сердце его наполнилось гневом на жестокую собаку.

Отец продолжал свой рассказ.

Завистливая и злая собака не удержала кошку от кровопролития, да еще и сама пролила кровь, и ей положено наказание от Бога. Но тут явилась палка и сама стала вершить суд и принялась бить собаку – больно и нещадно!

Шмуэль захлопал в ладоши. “Злодейке – зло! Козлика гибель – собаки вина, и кошкину кровь пролила она!” – воскликнул Шмуэль и запел:

Слаблю я палку, что била собаку,
Которая кошку кусала, однако,
Которая съела красавца козленка,
Ценою две зузы – подарок ребенку!

“Давай-ка обсудим, сынок, - сказал отец, - не рано ли хвалить палку. Разве палка бьет только тех, кто проливает кровь? Нет! Это природа такая у палки – бить и угнетать. Она бьет бедных и несчастных. В руках жестокого хозяина палка бьет бесправного раба.” Однако, Шмуэль нашелся, что возразить: “Но ведь собака заслужила побои!”

Отец улыбнулся сыну и сказал: “Собака получила по заслугам, и это хорошо. Но палка совершила дурное дело, и это плохо. Выходит, и дурное дело может принести пользу. Не грех нам порадоваться такой пользе, но хвалить того, кто совершил дурное дело мы не должны!”

Шмуэль задумался. Он вспомнил розги, хворостины, прутья – они из той же породы, что и палки. Бьют, мучают – и всегда слабого. Чувствуя и жалость и гнев, он воскликнул:

Проклятая палка собаку проклятую
За дело лупила, зверюгу косматую!
Мы дружно осудим эту собаку,
Что кошку кусала по праву, однако!
Ведь кошка сожрала красавца козленка
Ценою две зузы – подарок ребенку!

Мальчик смолк, и отец продолжил.

Тлели угли в печи. Увидали они произвол, что творила палка, и вспыхнуло в них желание справедливости, и они сами вспыхнули и, подобравшись к палке, огнем своим сожгли ее!

Шмуэль, как всегда, поспешил воспеть деяние, которое казалось ему единственно верным:

Я славлю огонь за жар и смекалку,
Спаливший до тла жестокую палку,
Которая била злую собаку,
Которая кошку кусала, однако,
Которая съела красавца козленка,
Ценою две зузы – подарок ребенку!

Как и сын, отец был верен себе и, конечно, умерил радость мальчика.

“Шмуэль! – заметил отец, - разве у палки или розги не может быть славного прошлого? Возможно, палку выстругали из ветки фруктового дерева, которую отягощали сладкие груши или яблоки. А если палка была оливковой ветвью? Ведь маслом мы заправляем лампу, чтоб ты мог читать по вечерам! Палка может стать жезлом царя Шломо или древком знамени защитников Иудеи! А вот огонь, мой мальчик, огонь – он уничтожает все без разбору – и доброе и злое!”

И Шмуэль подхватил слова отца:

До боли, до слез мне мучительно жалко:
Всеядный огонь спалил нашу палку!

Которая била собаку проклятую,
За дело лупила, зверюгу косматую!
Мы дружно осудим эту собаку,
Что кошку кусала по праву, однако!
Ведь кошка сожрала красавца козленка
Ценою две зузы – подарок ребенку!

Отец продолжал.

Случилось так, что река вышла из берегов и затопила поля, сады, виноградники. Добралась вода и до углей и залила их, и исчез огонь.

“Вот здорово! Я так люблю реку! – вскричал Шмуэль, - как хорошо искупаться в жаркий день! И игрушечную водяную мельницу можно построить у берега. А плот как несет по волнам!” И от радости Шмуэль запел:

Да здравствует подвиг реки многоводной,
Убившей огонь, что вечно голодный,
Которого нам нисколько не жалко,
Который спалил полезную палку,
Которая била злую собаку,
Которая кошку кусала, однако,
Которая съела красавца козленка,
Ценою две зузы – подарок ребенку!

“Дело в том, Шмуэль, - не преминул отец озадачить сына, - что не стоит нам торопиться хвалить реку. Погасив огонь, она сотворила добро, но оно много меньше зла, которое она принесла наводнением, погубившим урожай. Овца оплакивает гибель ягненка, унесенного водой, а кобыла напрасно ждет пропавшего в пучине жеребенка! Зато солнце в небе пошлет на землю свои горячие лучи, и станет испаряться вода, и река поначалу войдет в берега, а потом и совсем обмелеет. Придет бык на водопой и выпьет остатки воды – и как не было реки!”

“Ура праведному суду, и да благословен будет бык – справедливый судья!” – воскликнул Шмуэль и запел:

Я песнь воспою о великом быке,
Который пил воду в недоброй реке,
Которая прежде была многоводной,
Которой огонь подчинился голодный,
Которого нам нисколько не жалко,
Который спалил полезную палку,
Которая била злую собаку,
Которая кошку кусала, однако,
Которая съела красавца козленка,
Ценою две зузы – подарок ребенку!

“Ах, Шмуэль, да разве четвероногим положено судить? – остановил отец ликование сына. Мы благодарны быку за доброе дело, но не слышано, чтобы бык сидел в суде, а человек благословлял такого судью – с рогами и хвостом! Суд и благословение относятся только к людям. Вот резник сотворит суд над быком. Заточит нож, зарежет скотину, и отправится мясо в лавку.”

Шмуэлю жаль было свершившего полезное дело быка, но он не стал возражать отцу, боясь снова попасть впросак. Поэтому он промолчал, а отец продолжил.

Резник не заслуживает наказания, хоть и зарезал быка. Кошка убила козленка, чтоб утолить свой голод, а резник убил быка, чтобы другие утолили голод. И хоть нет вины резника, но настанет день, и явится к нему ангел смерти и возьмет его душу, и умрет резник.”

Шмуэль загрустил при упоминании ангела смерти, и отец пожалел мальчика и стал успокаивать.

Да, сынок, это ангел смерти повинен во всех смертях на земле. Но в один прекрасный день Бог свершит над ним суд и уничтожит его. И не будут люди умирать, и мертвые восстанут из могил!

“И козленок тоже оживет?” – с надеждой воскликнул Шмуэль?

Не хватило у отца духу огорчить мальчика и сказать: “Нет, козленок не оживет.” Но и обманывать сына ему не хотелось. Поэтому он не ответил, а закончил свой рассказ словами: “Вот такая история приключилась с маленьким козленком. Как его называли, не забыл?”

“Хад гадья...” – тихо и рассеянно сказал Шмуэль. Отец вышел из комнаты, а сын долго еще сидел, погруженный в мысли.

Благородные и рабы

1

Всем, конечно, известно, что у Адама, первого в мире мужчины, и у Евы, первой женщины, родились потомки, а у потомков – их потомки, и так далее, и множились люди на земле. В те давние времена Бог поделил род человеческий на две части – благородные и рабы.

Благородным принадлежала земля, и все, что есть на ней – леса и поля, луга и сады, деревья и виноградники, а также реки и моря, рыбы и птицы, звери и скот. И богатствами недр – золотом, железом, углем и прочими благами, что добывают из-под земли – тоже владели благородные. То, что радует глаз и приятно на слух, иными словами, все источники удовольствий, состояли на службе у благородных, и они стали господами мира и наслаждались жизнью.

А что принадлежало рабам? Их достоянием были крепкие руки и ноги. Сила требовалась им для тяжелой работы на пользу благородных, ибо все утехи легкой и сладкой жизни богачей создавались изнурительным рабским трудом. Рабы растили урожай, добывали рыбу в морях и

зверя в лесах, извлекали из-под земли ее богатства – корочке, делали то, в чем нуждались их счастливые господа. Сами же труженики прозябали в нищете, ели впроголодь, и дни их были чернее ночи.

Бог наделил благородных добрым сердцем и широкой душой и наказал им: “Относитесь к рабам милосердно и щедро делитесь с ними. Ведь и беднякам положена доля счастья, и пусть живут и не умирают от голода и гнетущего труда!”

Всевышний дал благородным острый ум, умение постигать устройство мира и дар сочувствовать нуждам людским. “Знания и доброта потребны вам для разумного употребления ниспосланных мною благ, а в руках невежды гибнут богатства!” – добавил Господь.

В сердца рабов Бог не поселил жалости и человеколюбия, сделал их души грубыми и черствыми. “Добрые чувства принесут беду простолюдинам и увеличат их страдания, - сказал Всевышний, - негоже, коли плач голодных детей размягчит дух бедняков и расслабит их мускулы, ибо кто станет трудиться на благородных? Хуже того, червь зависти заползет в нутро раба, жажда мести поселится в голове его, и не миновать преступного кровопролития!”

“Ни к чему рабам много разумения в головах, - решил Господь, - не следует понимать им, как плоха их жизнь, и не должны они сознавать себя несчастными. Пусть меньше думают и больше трудятся!” Не удивительно, что рабы стали существами злыми и лишенными добродетелей и сделались носителями пороков.

2

Какими создал Всевышний благородных и рабов, такими они и сосуществовали друг с другом. Рабы растили пшеницу на полях, а благородные ели сдобные булки во дворцах. Рабы давили виноград в винодельнях, а благородные пили вино за столом. Рабы стонали от нескончаемой работы, а благородные купались в море увеселений.

Однажды благородным наскучило однообразие роскоши дворцов и они пошли в поле посмотреть на занятия рабов. Богачи увидели мрачные и злые лица тружеников. Ноги их были изодраны колючками, кожа на руках огрубела до мозолей, веки смыкались, требуя сна. От зари до зари гнули спину простолюдины, и лишь при луне выдавалась им свободная минута подкрепить силы черствым хлебом и водой из колодца.

Как узрели господа печальную эту картину – содрогнулись их добрые души. Они воскликнули, обращаясь к рабам: “Боже, как ужасно ваше существование, как бедственно ваше положение!” В приливе жалости благородные принялись обнимать и целовать несчастных рабов. “Почему вы босые, почему пища и питье ваши - только черствый хлеб да колодезная вода? Оставьте свои хижины и приходите в наши дворцы. Амбары ломятся от зерна, погреба заставлены бочками с вином. Ешьте и пейте досыта, дорогие братья! Наше добро сотворено вашими руками, и творцам принадлежит по праву!”

Рабы охотно последовали за милосердными господами, и наполнили желудки лучшими яствами и винами, и жен и детей накормили отменно. Но глаза их почему-то не подобрели, и по-прежнему горели в них злые огоньки. Благородным невыносимо было смотреть в несчастные лица обиженных судьбой. Они открыли свои сундуки и воскликнули: “Подходите, братья! Надевайте лучшую одежду и украшения берите! Не робейте и наряжайтесь!”

Рабы не отвергли щедрость дарителей и опустошили сундуки. Благородные взглянули с надеждой на облагодетельствованных ими, но, увы, все так же мрачны были лица бедняков. Добрые сердца господ жалобно заныли. “Оставайтесь дома, труженики, вы заслужили отдохновение. Мы потрудимся за вас!” – великодушно предложили благородные и были счастливы получить мгновенное согласие рабов.

Вооруженные лопатами, серпами, мотыгами и прочими орудиями, благородные двинулись навстречу неизведанному. Торжественное шествие встретил дьявол. “Вы совершили великую глупость, отдав все лучшее этим грязным неблагодарным рабам! – воскликнул лукавый бес, - скоро вам нечего будет есть, и что станете делать?”

“Рабы поделятся с нами, как мы с ними поделились! Не случится такого, что человек останется равнодушен к страданию ближнего, и не проснется в нем жалость!” – достойно ответили благородные.

“Вот и посмотрим, какова щедрость рабов, усевшихся в кресла благородных!” – воскликнул дьявол и злорадно засмеялся своим дьявольским смехом.

Благородные трудились в поле день, другой, третий. Вышли заготовленные припасы. Они надеялись, что рабы принесут им в поле еду и питье, но, не дождавшись, отправились в город. Сейчас в них никто не признал бы благородных. Одежда порвалась, лица потемнели, пыль въелась в кожу, плечи опустились, веки от усталости смыкались.

Увидали рабы измученных трудом и голодом благородных, и не дрогнули жестокие рабские сердца – грубые, никогда не ведавшие милосердия и жалости.

Так и повелось с тех давних пор. Души рабов холодны и пусты, а головы не обременены разумом. Зато много у них богатств, одеты они в дорогие одежды, украшены драгоценностями, едят с золотых блюд и живут во дворцах. А благородные – чувствительные и разумные – трудятся день-деньской и выполняют всю тяжелую работу. И бедны они и бесправны. Вот вам, дети, история происхождения нынешних богачей и бедняков.

Друг в небесах

1

Нахум и Ивцан – большие друзья. Они одного роста, у обоих глаза сияют из-под белого лба, носы курносые, щеки толстые, и улыбаются оба приветливо. Нахум и Ивцан учились в одном хедере у одного учителя. Они вместе приходили на учебу и вместе возвращались домой. Иной раз, один заслужит похвалу наставника, и другой окажется на высоте, один проспит – и такая же неприятность случится со вторым.

Кроме Ивцана, у Нахума был еще один друг. Этот друг – не мальчик, он не учился в хедере, он не жил по соседству, и вообще он не был человеком. Нахум любил его больше всех на свете, даже больше Ивцана. Это – звезда на небе. Вечерами Нахум выходил на улицу повстречаться со своим небесным другом. Звезда подмигивала ему, улыбалась и говорила приятные вещи.

Звездам неведомы звуки и слова, с помощью которых изъясняются люди. Поэтому небесное создание обращалось к Нахуму на языке звезд. Например, “разговор” и “молчание” звезда выражает “светом” и “тьмой”. Бывало, подмигнет звезда своему земному другу, и это значит “дорожу твоей любовью, брат” или “желаю тебе добра, дружище”.

Нахум и его друг в небесах претолочно понимали один другого. Каждый вечер мальчик рассказывал звезде о том, чему научился днем в хедере, и она всегда с интересом слушала. Случалось, поссорится Нахум с кем-нибудь из товарищей, но устоит от соблазна и до драки дело не доведет. Вечером поведаст далекому другу о происшествии и заработает похвалу за выдержку. Простившись с Нахумом, звезда заботливо светила ему вслед.

Нахум никому не рассказывал о своем небесном друге – ни отцу, ни матери, ни братьям, ни сестрам, ни товарищам. Он носил эту тайну в сердце своем, но разве легко слишком долго хранить секрет? Однажды он решил поделиться с Ивцаном.

“Приходи ко мне вечером, Ивцан. Я познакомлю тебя со своим другом. Он красив и светел, добр и весел, и с ним так интересно разговаривать! Придешь? Ждать тебя?” – спросил Нахум. “Конечно приду!” – поспешно ответил Ивцан. Червячок ревности заполз в его сердце.

2

Ивцана мучило нетерпение, и он поминутно смотрел на часы: как медленно тянется время, скорей бы пришел вечер! Он сердился на солнце, что мешкает и не заходит за горизонт, и даже стрелкам на циферблате досталось от него – “глупые медлительные черепахи!” – в сердцах назвал их Ивцан. Он забыл, как учитель остерегал от греха произнесения бранных слов, и не вспомнил поучение отца: нельзя ругать бессловесные предметы и животных – ведь Бог не дал им языка, и они не могут ответить.

Жаль, что Ивцан не додумался взять в руки книги и тетради, да выучить заданное в хедере на завтрашний день – время было бы не врагом его, а другом, и за работой оно прошло бы быстро и с пользой.

Наконец-то стемнело. Ивцан примчался к Нахуму, они вышли на улицу, и Нахум сказал: “Подними глаза к небу и взгляни направо. Что ты там видишь?”

Ивцан увидел яркую звезду. Она приветливо мигала ему. Он понял ее язык: она говорила, что любит его. Взволновалось сердце Ивцана. Он захотел, чтобы звезда стала его и только его другом, он задумал отнять ее у Нахума.

“Эта звезда моя и всегда была моей! Она – мой друг! Смотри, Нахум, как она мне мигает! – воскликнул Ивцан. “Ложь! – вскричал в гневе Нахум, - она – мой друг, а не твой! Я ее нашел на небе, она восходит над нашим домом и светит в наше окно! Кто показал тебе ее? Разве не я?”

“Это ты лжешь! Она моя и всегда была моей!” – не уступал Ивцан. И тут добрый свет звезды внушил Нахуму замечательную мысль. “Пусть эта звезда будет нашим общим другом – и твоим и моим!” – выпалил Нахум. Но Ивцан был непреклонен: “Нет, это мой и только мой друг!”

Нахум с мольбой поднял глаза на небесное светило, и звезда утешила его сердечными словами. “Ты видишь, она смотрит на меня, мигает и улыбается мне от всего сердца!” – воскликнул Нахум. “Она смотрит на меня и улыбается мне! Тебя она осуждает, ведь ты покушаешься на нашу с ней дружбу!” – вскричал Ивцан.

“Давай спросим ее, кого она больше любит, и к кому ее сердце лежит!” – предложил находчивый Нахум.

Однако, здесь таилась заковыка. Ведь в языке небесных светил, в отличие от языка людей, нет различия между одним и многими. Допустим, звезда скажет подруге “люблю тебя”, это значит, что она любит все звезды – и дальние и ближние. Мальчики же не знали этого. Они спросили звезду, кого она больше любит, и та ответила: “Тебя!” Это значит на человеческом языке: “Я вас обоих одинаково люблю!” Нахум обрадовался: “Она мне ответила!”, а Ивцан возопил: “Нет, она на меня смотрела и мне призналась!”

Как и следовало ожидать, спор окончился дракой. Замелькали кулаки, и один разбил другому нос. Испугавшись крови, драчуны разбежались по домам. И звезда не провожала ни одного из них.

Нахум и Ивцан помирились. В другой раз нашлась иная причина для ссоры, а потом опять воцарился мир. И так далее. Но доброго и веселого друга в небесах они потеряли. На небосводе, на прежнем месте, появилась другая звезда – тусклая, мрачная, немигающая и немая.

Вольные птицы

1

Долгих двести десять лет иудеи были рабами в Египте. А все ли знают, что означало рабство для израильтян? То была пожизненная неволя. По приказу господина раб выполнял любую работу. Камни разбивал, колодцы рыл, землю пахал, тачки груженные возил. Тяжелый и грязный труд был уделом раба.

Не полагалась подневольному работнику плата, и надежды на освобождение он не имел. Бывало, прикажет господин закончить двухдневную работу за день, и невольник исполнял приказ через силу, дабы не изведать кнута. Жизнь несчастного принадлежала хозяину: мог и убить и помиловать. Если возжелает господин взять в свой дом красивую дочь раба, то тот не осмелится перечить.

Ранним утром на рассвете привратник бил в колокол у ворот. Надсмотрщик брал в руки кнут. Израильтяне пробуждались от короткого сна и торопились на работу. Женщины варили еду и несли ее мужьям в поле или в каменоломню.

А дети собирались на улице. К ним слетались птицы и окружали их. Ребятишки отщипывали кусочки от оставленной матерями еды и бросли птахам. Иной раз, даже зернышки крупы доставались пернатым. Благодарные птицы рассказывали своим юным кормильцам о прекрасной стране за горами. Там пальмы подпирают небо, шепчутся меж собой волны реки Иордан, у источника Эйн Геди цветут розы, а в горах Гильада пасутся стада.

- Милые птицы, вы рабы или свободные? – спрашивали дети.
- Мы свободные! – отвечали птицы.
- А какая она, свобода?
- Какая? Куда крылья понесут – туда и полетим!
- Вам хорошо, свободным?
- Хорошо, детки! Нет ничего лучше свободы!
- А нам в рабстве вековать...
- Минута свободы счастливее века рабства!
- Что же нам делать, птицы?
- Станете взрослыми – и бегите из рабства на свободу!

Каждое утро мальцы кормили крылатых питомцев и внимали словам их о вольной стране. Сдружились рассказчики и слушатели и поверяли друг другу свои беды. Горько жаловались птицы: самая голосистая не прилетит больше – стрела охотника пронзила ее. А дети в слезах поведали, как дворцовые слуги забрали малыша – там зарежут бедняжку, и мясом ребенка полакомятся любимые собаки фараона.

Друзья вместе плакали и вместе радовались. Шли годы, дети становились рабами и умирали от непосильного труда, а птицы погибали – которая от стрелы, которая от голода. Но нарождались другие дети и другие птицы, и дружба переходила по наследству из поколения в поколение.

2

Однажды случилось чудо. Как и каждое утро, птицы прилетели позавтракать и побеседовать с друзьями. И что же они увидели? Взрослые мужчины и женщины подпоясались кушаками, посохи в руках, дорожные мешки за плечами, и все это огромное скопище людей готовилось выступить в путь.

Дети заметили пернатых и закричали: “Мы свободны! Вы слышите, друзья? Мы выходим из рабства!” Ликующий этот крик взвился к облакам, и слезы счастья заблестели на глазах детей и взрослых, и чаще забились сердца. Восторг людей передался птицам, они шумно захлопали крыльями и огласили небо и землю радостным “Ура!”.

И тут дети спохватились: в спешке дорожных сборов забыли они приготовить крошек и зерен для пернатых. Но птицы уняли огорчение друзей: “Не беда, в другой раз угостите нас! Ради вашей свободы мы готовы поголодать. Скорее в путь – на волю!”

Взрослые шли скорым шагом, и ребятишки стали отставать. Птицы пришли на выручку. Они летели впереди малышей и указывали им дорогу, куда дети не догнали отцов и матерей.

На привале усталые и голодные путники расселись вокруг костра. Путь впереди был долгий и трудный. “Кто накормит нас мясом?” – раздался ропот, - не лучше ли вернуться в страну рабства к сытной трапезе у котла?” Услыхали птицы трусливую речь и страшно испугались за судьбу народа Израиля. Они умолили людей оставаться у огня, пообещав скорую подмогу.

Прилетели к пристанищу перепелки и вскричали отчаянно: “Мы не боимся кипящего котла и жертвуем собою, лишь бы насытить мясом голодных и удержать их от возвращения в рабство!”. Люди поели и двинулись дальше. И снова дети не успели покормить пернатых друзей и заплакали от досады. Но птицы были великодушны: “Не сейчас, потом угостите нас. Что птицам голод? Перепелки жизни отдали ради вашей свободы! Пospешайте за взрослыми!”

Вот так птицы помогли народу Израиля разбить оковы неволи. И кто, как не они, учили детей и взрослых любить свободу и ненавидеть рабство? Много-много лет минуло с тех пор, но благодарные люди не забывают науку и добро. Сейчас, когда в синагогах обсуждают главу Торы о выходе народа из Египта, непременно вспоминают перепелок. А дети насыпают птицам зерна – это старый долг и благодарность за подмогу.

А вольные птахи по-прежнему напоминают людям: “Минута свободы желаннее века рабства”, и примером своим стараются убедить, что голод на воле лучше сытости в клетке.

Нерешенный спор

1

Окончился сбор урожая. Осень была на исходе, приближалась зима. Эти события сулили важные перемены в жизни птиц. Поэтому пернатые собрались на большой совет. Кто-то уселся на ветку дерева, кто-то – на желтеющую траву, и потекла похожая на спор беседа, и птицы старались быть вежливыми и не перебивать друг друга. Сколько хвостов – столько и мнений.

- С каждым днем солнце убывает, могут ли птицы оставаться в темноте без солнечного света?
- Давайте полетим за солнцем! Крылья наши сильны, а перья легки!
- Найдем себе страну, где много солнца и будем нежиться в его лучах!
- А если отяжелеют перья?
- Сбросим их! Останемся без оперения, зато не изведем страха темноты!
- А если подведут крылья?
- Тогда сильный подставит плечо слабому и скажет: “Крепись!”
- А разве можно оставить родину?
- Так ведь не навсегда, на время только!
- В чужой стране будем чужими, не хватит духу съесть червяка иноземного!
- Остаться – уж точно голода зимнего не миновать!
- Чужим солнцем не насладишься, светом не накормишь птенцов, и сыт им не будешь!

С утра до ночи спорили птицы и не пришли к одному мнению. На завтра пробудились пораньше и опять принялись за спор, и так много дней подряд спорили, а решения не нашли. Ночной осенний холод крепчал, и все единодушно признали, что сбрасывать перья – глупая мысль: так и насмерть замерзнуть недолго!

Дни становились все короче, и времени на обсуждение становилось все меньше. Тогда птицы разделились на два лагеря. Те, кому дороже всего солнечный свет, задумали улетать, это – перелетные птицы, а те, кто верен своим гнездам, решили остаться, это – оседлые птицы. Разделившись таким образом, птицы пришли к согласию в том, что к согласию им не прийти.

2

Одни пернатые готовились в дорогу, а другие собрались их провожать. Улетающие в далекие края поглядывали на гнезда собратьев-домоседов. Остающиеся под тусклым зимним небом подставляли головы слабеющим лучам солнца.

Настала минута расставания. Перелетные унесли бог знает куда, а оседлые вернулись к своим убежищам.

Тяжело пришлось перелетным птицам. Холодно и голодно в пути. Правда, на новом месте было сытно и много солнечного света, но часто вспоминали они, как остерегали их оседлые собратья: “Лучше мрак родины, чем солнце чужбины!”

С приходом сумрачной зимы оседлые птицы каялись, что не прислушались к своим перелетным товарищам – ведь так важен свет для пернатых! Что проку от надежного гнезда, коли дни совсем коротки, а ночи длинны нестерпимо?

Пришла весна. Перелетные птицы услышали, что вернулось солнце на родину, что лучи его щедро несут свет земле, и засобирались в обратный путь. А до оседлых птиц дошел слух, будто бы перелетные готовятся к возвращению, и обрадовались домоседы скорому свиданию с собратьями. Однако, устыдились встречать их – вдруг спросят странники: “Как решились вы жить так долго без солнечного света?”

Перелетные птицы вернулись тихо и поначалу совестились попадаться на глаза оседлым товарищам. Опасались трудного вопроса: “Не страшно было покинуть родные края и оставлять свое гнездо?”

А вы что скажете, дети? Какие птицы правы? Перелетные или оседлые? Или те и другие?

Волшебный ларец

1

Когда Бог сотворил небо и землю, сошел сверху вниз златокудрый ангел. Он держал в руках необыкновенный ларец, специально придуманный для свершения великих дел.

Особенным было устройство ларца. Он открывался золотым ключиком, который ангел хранил у себя в волосах, укрепив золотой булавкой. Не так-то просто разглядеть в золотых кудрях ключик такого же цвета. Внутренность ларца поделена была на четыре равных гнезда, и у каждого своя крышка. Нажмешь на рычажок, он надавит на пружинку, и крышка откроет гнездо. Каждое гнездо называлось по-своему. Вот эти названия: “Жизнь”, “Смерть”, “Старость”, “Болезнь”.

Ангел достал золотой ключик и открыл ларец. Затем он нажал на рычажок, и пружинка отомкнула гнездо “Жизнь”. Тогда появились на земле первые мужчина и женщина – Адам и Хава. Зазеленели деревья, и зацвела трава. Моря и реки наполнились рыбой, звери расселились в лесах и степях, воздух зазвенел пением птиц и заблагоухал ароматом роз. Природа повсюду взрастила свои благодатные плоды.

Адам и Хава беззаботно плыли по морю наслаждений – изобилие пищи, яркие небеса над головой, ласковое солнце и вечная весна. Летели годы, и множился род человеческий.

Предусмотрительный ангел однажды призвал к себе Адама и Хаву и держал перед ними такую речь: “Запомните крепко-накрепко мое приказание – нельзя касаться ларца! Заключенное в нем волшебство послужит людям. Терпение поможет дождаться чудес – они придут каждое в свое время!”

Любопытство и беспокойство поселились в сердце Хавы. “Что за диво скрыто в ларце? Не ослабеет ли от промедления полезная сила чуда? Зачем мучить волшебство запертым в неволе? Да и душа моя томится неизвестностью...” – подумала Хава.

Она подобралась к спящему ангелу, тихо-тихо отстегнула булавку, взяла золотой ключик, открыла ларец и наугад нажала на рычажок. Распахнулась крышка гнезда под названием “Смерть”, и Смерть вышла из заточения, устремилась в мир и подступилась ко всему живому.

2

Завяли розы. Поникли другие цветы. Листья стали опадать с деревьев. Соловей приготовился петь, но из горла его вырвался стон. Легкое белое облако почернело, и солнце скрылось за мрачной тучей. Хава испугалась содеянному, и слезы полились из красивых женских глаз.

Пробудился посланец небес от ангельского своего сна, увидел такие перемены, кинулся к ларцу – да было уж поздно!

Ангел опрометью бросился за помощью к птице Холь. Ей введома тайна возвращения жизни – она сгорает от солнечного жара, но вновь восстает из мертвых.

Вы знаете, дети, почему в старые времена эту чудесную птицу называли Холь? Потому что Ной, построивший ковчег и спасшийся от потопа, благословил ее и предрек ей бесчисленные годы жизни, как бесчисленны крупинки песка. А песок на древнем языке Торы – это холь!

Добрая птица Холь немедля пришла на выручку. Она громко запела, и звуки ее прекрасных песен вернули к жизни цветы, и вновь зазеленела листва, и небо очистилось от туч, и засияло солнце.

Сбежавшая из ларца Смерть испугалась превосходящей силы птицы Холь и упала перед ней на колени, моля о пощаде. Тут златокудрый ангел не промешкал – он схватил Смерть за шиворот, водворил ее обратно в гнездо и запер ларец.

Однако, вырвавшись единожды из ларца, Смерть узнала дорогу в мир, и, бывало, сквозь щелку в гнезде, хоть ненадолго, а просочится на волю повоевать с Жизнью. Скажем, пойдут жених с невестой гулять в сад, а вернется назад невеста одна и в слезах – жених умер.

Немногими победами могла гордиться Смерть – ведь почти все время она сидела взаперти. Поэтому люди умирали редко, а жили бесконечно долго, и старцы походили на юношей. Что в сто лет, что в восемьсот лет – лица у людей были молодые. Это был непорядок на земле, ибо не знали старики почета, и не светилась красотой старость.

И вот явился в мир праотец Авраам. Ангел полюбил сего богобоязненного и праведного человека, и открыл ларец, и достал из гнезда под названием “Старость” благородный камушек на цепочке и повесил украшение праотцу на шею. Мигом поседела борода Авраама, побелели кудри на голове его, морщины избороздили лицо, глаза засветились мудростью и душевным покоем, и он превратился в почтенного старца.

С тех пор люди старились, и облик их с годами становился благообразным и почтенным. Старость засияла неповторимой красотой и обрела заслуженное уважение молодых.

Как было сказано, люди почти не умирали, а все жили и жили. Но не положено годам человеческим простираться в вечность. Поколения должны сменяться – пусть старые уйдут, а новые займут их место в мире.

Праотец Яков задумал исправить несовершенство жизни, ограничив век людской. Он попросил ларец у посланца небес, но тот воспротивился, и тогда Яков, как написано в Торе, вступил в поединок с ангелом, завладел ларцом и открыл гнезда “Болезнь” и “Смерть”.

Болезнь попыталась вылететь из ларца, да не хватило сил расправить крылья. Она попросила Смерть помочь ей, и та понесла ее на себе. С тех пор так и летали вместе Болезнь и Смерть, а ангел не мешал им.

Изменилась жизнь людей. Старые уходили, а молодые вставали им на смену. Человек непременно болел перед кончиной и знал наверняка, что его ждет неминуемая смерть, и нет надежды на выздоровление. Да и не могло быть иначе – ведь чересчур крепко сдружились Болезнь и Смерть и стали неразлучны.

Больные терзались мыслью о неизбежности скорого конца, ибо страх смерти хуже самой смерти. Люди жаловались ангелу на плачевную свою участь, но тот не знал, как помочь несчастным.

Однажды заболел царь Хизкияу. Он взял в руки арфу и заиграл и запел горестную песнь. Ему хотелось жить, а не покидать мир. Нет в жизни человека минуты, когда он был бы рад приходу смерти, молод он или стар.

Дивно играл Хизкияу, и люди вокруг плакали и жалели его. Златокудрый ангел, всем сердцем любивший царя, промолвил со слезами на глазах: “О, ты так дорог мне! Проси, что хочешь, и все сделаю!” Царь задумался, потом промолвил: “Принеси мне твой волшебный ларец – гляну, может осталось в нем последнее нераскрытое чудо!”

Пристальным взглядом Хизкияу осмотрел внутренность ларца. “Вот оно, последнее чудо!” – воскликнул царь. Острым своим глазом он заметил, что крылья Болезни связаны тонкой почти невидимой нитью, и порвал ее.

С тех пор Болезнь не нуждалась в помощи Смерти и летала сама. Заболев, люди надеялись, что здоровье вернется к ним, и они еще проживут. И чаще всего надежды оправдывались. Находчивый царь Хизкияу тоже оправился от болезни и долго еще жил и восседал на троне.

Так стали править миром четыре великих закона – Жизнь, Смерть, Старость и Болезнь.

Святая земля

1

Семья Беньямина жила скромно. Отец его не носил в кармане серебряных часов, а мать не вдевала в уши золотые серьги. В полупустом шкафу хранилась простая одежда. Железные решетки не ограждали окон, и дверь запиралась на немудреный замок. Воров здесь не боялись – нечем им поживиться!

Однако, хранилась в доме невзрачная с виду шкатулка, которой очень дорожили отец и мать Беньямина. Надежно запертая и спрятанная в секретном месте, она не скрывала под своею крышкой ни золотые монеты, ни самоцветы драгоценные. А лежал в шкатулке небольшой холщевый мешочек с обыкновенной землей. Впрочем, земля эта вовсе и не обыкновенная, потому что привезена она была из страны народа Израиля, название которой – Эрец Исраэль или Святая земля.

Беньямин знал, для чего требовалось содержимое шкатулки. В вырытую для захоронения яму клали несколько крупинок из холщевого мешочка, чтобы избавить усопшего от мук могилы и от тягот подземных странствий. Всем и всегда Беньямин готов был объяснить, что это за бедствия, от которых надо спасать покойника.

Во-первых, сказал бы Беньямин, муки могилы – это наказание нерадивым. Когда похоронят человека, явится к нему ангел из преисподней и станет допрашивать, учил ли покойный Тору и какие грехи за ним числятся. Если решит непрощенный посланник, что перед ним нечестивец – жестоко побьет его. Однако, дух Святой земли гонит прочь исчадие ада. Поэтому, как учует ангел из преисподней запах священных крупинок, сразу повернет назад, и умерший, даже если и был грешником, не отведаст мук могилы.

Во-вторых, объяснит Беньямин, тяготами подземных странствий иудей расплачивается после смерти за жизнь вне земли Израиля. Когда явится Мессия, и прозвучит шофар, то в Эрец Исраэль мертвые восстанут из могил. А похороненные на чужбине сначала переправлены будут в Иерусалим по узким и каменистым ходам под землей и только тогда оживут. Невероятно

трудна эта дорога. Зато, если умершему не на родине иудею положить в могилу частицу Святой земли, то мертвец оживет на месте, где похоронен, и не потребуетя ему совершать мучительный путь, и он будет избавлен от тягот подземных странствий.

Беньямин не держал секретов от друзей и рассказал им о шкатулке и о холщевом мешочке. Посвящая товарищей, он каждому шептал на ухо и требовал обета молчания. Поскольку Беньямин отличался добрым нравом, то все ученики хедера дружили с ним, и он доверял всем. Поэтому опасности разглашения тайны не было.

2

Как-то раз, когда окончились занятия, и настало время ученикам возвращаться домой, припустил на улице затяжной дождь, и ребята решили переждать непогоду в хедере. Беньямин сказал: “Давайте по очереди рассказывать истории!” Предложение было принято, и дети расселись кружком.

“Я кое-что знаю о героях Израиля!” – громко воскликнул мальчик по имени Иегуда, самый сильный из ребят. Он не был противником драк, и товарищи остерегались его тяжелых кулаков. Ученики прозвали его “Иегуда-Кулак Три Пуда”.

“А я расскажу о мудрецах Израиля!” – тихо проговорил Натан, самый развитой в хедере. Он много читал, ведал обо всем на свете и охотно делился с товарищами своими познаниями. Ученики прозвали его “Натан-Башковитый Пацан”.

Первым начал рассказ Иегуда-Кулак Три Пуда.

Окружил неприятель святой город Иерусалим. Герои наши храбро сражались и многих, очень многих врагов поубивали. Но слишком не равны были силы. Словно туча саранчи подступало к стенам города несметное войско захватчиков. И армия завоевателя осадила столицу.

Как-то раз поднялись на стену осажденного города два храбрых юноши и девушка. Одного из храбрецов звали Олень: резвостью он не уступал оленю и настигал и обгонял любого зверя. Имя другого смельчака было Силач, он обладал необычайной силой и одним взмахом меча срубал несколько вражьих голов. Красивую девушку, сестру Силача, любовно называли Ирис: ведь в любом саду самый прелестный цветок – это ирис.

Зоркая Ирис увидела вдали за неприятельским лагерем скачущего детеныша быстроногой лани. “Кто приведет мне этого стройного красавца, того назову я героем Израиля!” – промолвила девушка.

Не успела Ирис договорить, а Олень уж приготовился бежать к цели, да увидел на пути множество солдат врага, оробел и взглянул вопросительно на Силача. Тот мигом спрыгнул вниз со стены, и Олень последовал за ним. Силач схватился в бою сразу с двумя воинами и убил их. Один меч он взял себе, а Оленю отдал второй. Силач прорубал дорогу, а Олень помогал ему. Когда путь расчистился, Олень припустил изо всех сил, настиг пугливого зверя, схватил его в

охапку и бросился в обратный путь. А Силач отступал вслед за другом, обороняя его от неприятеля.

И, конечно, Ирис назвала героями Израиля обоих юношей – и Оленя и Силача.

На этом Иегуда-Кулак Три Пуда закончил рассказ. Глаза его горели воинственным огнем, а крепко сжатые тяжелые кулаки покоились на столе. Казалось, он только что спустился с городской стены осажденного Иерусалима.

3

Дети обратили свои взоры на второго рассказчика. Натан-Башковитый Пацан прокашлялся и негромким голосом заговорил.

В древние времена в Греции в городе Афины жили 70 мудрецов. Слава о них доходила до самых дальних концов мира. Отовсюду шли к ним молодые люди набираться ума. Вот только из Иерусалима не было учеников у афинских мыслителей. Не станет школяром в Афинах изучающий Тору отрок. Ведь если одну чашу весов нагрузить разумение всех 70 убеленных сединами старцев, а на другую чашу положить познания юного знатока Торы, то вторая чаша перетянет.

Сам император Рима весьма почитал афинских мудрецов, хоть и не довелось ему знать их. В то время ко двору императора был вхож иудей раби Иешуа бен Хананья. Однажды император принялся восхвалять своих греческих любимцев и утверждал, что нет им равных в мире. И тогда раби сказал владыке: “Я сделаю два дела. Я превзойду умом греческих философов и я хитростью доставлю их к твоему трону. Вели, государь, снарядить 70 кораблей, и я отправлюсь в путь!”

Щедрой рукой император снабдил придворного иудея всем необходимым для передвижения по суше и по морю и дал ему в распоряжение 70 судов. Раби прибыл в Афины, представился тамошним мудрецам и вошел к ним в доверие.

Гость предложил своим новым знакомцам: “Давайте загадывать друг другу загадки. Если я хоть одну вашу загадку не отгадаю – я раб ваш на семь лет. Ну, а я каждому из вас загадаю загадку, и кто не отгадает ее, тот угощает меня ужином на моем корабле!”

Предложение иудея было охотно принято самоуверенными греками. Раби Иешуа бен Хананья с легкостью отгадал все загадки, зато афинские мудрецы не отгадали ни одной. “Первое обещание императору я выполнил, - подумал раби, - превзошел умом прославленных афинян. Теперь выполню второе обещание – перехитрю их и доставлю к подножию престола!”

Каждый из мудрецов обязан был накормить гостя ужином на его корабле. Раби предложил проигравшим спор идти в порт поодиночке. Те с радостью согласились – ведь если пойдут все вместе, то жители, видя такое шествие, скажут, мол, позор нашим философам, глупее иудея оказались!

Раби размещал мудрецов по одному на корабле, и заверял каждого, что вскоре к нему присоединятся и остальные горе-спорщики, а чтобы этому верили, на всех судах было расставлено по 70 стульев. Затем гость набрал афинской земли в большой мешок, поднялся на борт и велел капитану отправлять все корабли. “Теперь я могу смело показаться на глаза владыке!” – подумал довольный победитель.

И вот предстал раби Иешуа бен Хананья пред императором, а с ним 70 афинских мудрецов. Захотел государь побеседовать с прославленными гостями из Афин, а те ни слова не могут вымолвить. Тогда придворный иудей пояснил монарху: “От обиды, что я перехитрил их и доставил к тебе, и от страха путешествия в одиночестве они лишились языка и мудрости. Но я знаю средство, как вернуть им эти качества!”

Раби достал привезенный из Греции мешок и осыпал голову каждого афинской землей. И немые заговорили. “Земля родины творит чудеса – она возвращает силу, дух и разумнее тем, кто покинул родные края!” – воскликнул раби Иешуа бен Хананья.

Император разговорил мудрецов, и те поведали ему, как состязались с иудеем в отгадывании загадок, и как поднялись на корабли. Добродушный монарх накормил и напоил назадачливых философов, а потом отправил их с миром на родину. А придворного иудея император наградил по-царски.

Вот такую историю поведал товарищам Натан-Башковитый Пацан.

4

Мальчики уважительно смотрели на обоих рассказчиков. Молчали, размышляли. Наконец, один из них воскликнул: “Обе истории нам впрок! Мы все живем в изгнании и поэтому слабы, но если осыпать голову каждого из нас землю родины, то вернется к нам сила, и станем мы героями Израиля! Вот только если бы Беньямин дал нам немного земли, привезенной из Эрец Израэль...”

Другой слушатель поддержал: “Верно! Тогда сыновья кузнеца Петра не станут подкарауливать и колотить нас, когда мы идем в хедер!”

И третий голос прозвучал: “Давайте лучше выберем место возле хедера, насыпим туда священной земли и построим наш маленький Храм!”

Беньямин, однако, возразил: “Если я отдам землю из шкатулки, то мои мать и отец будут обречены на муки могилы и тяготы подземных странствий... Нет, я не могу так поступить!” Дети загрустили, но согласились с товарищем.

Шли дни, и мальчики снова и снова обращались к другу все с той же просьбой. Наконец, Беньямин согласился. Он упросил мать, и она разрешила взять горсть земли из мешочка.

Горсти никак не хватило бы для всех многочисленных друзей Беньямина. Строить Храм? Но никто из ребят не готов был занять пост Первосвященника – каждый знал за собой какой-либо грех или дурной поступок.

Тогда неподалеку от хедера дети обозначили белой чертой круг и насыпали на это место крупы Святой земли. Всякий, кто вступит внутрь – преисполнится силы, почувствует себя героем Израиля, и никто и ничто не испугает его.

5

Ребята уже не боялись сыновей кузнеца Петра. Главное – добежать до спасительного круга. Озорник не осмелится вступить в драку с тем, кто стоит на освященном клочке земли и полон силы и решимости дать отпор. Внутри убежища торжествовал дух геройства, а вне его царило зло – как и прежде.

“Чему мы радуемся? Ведь не нас, а белой черты боятся сыновья Петра! Они слабы, но и мы не герои!” – говорил Иегуда и крепко сжимал тяжелые свои кулаки, и газа его горели воинственным огнем.

“Если так чудодейственна Святая земля, зачем бросать крупы ее в могилы к мертвым? Не лучше ли приберечь это богатство для живых, и они станут героями Израиля?” – размышлял вслух Натан.

“Да разве хватит для всех живых?” – возразил Беньямин.

“Неужели придется отрядить в Эрец Исраэль все в мире корабли и загрузить их трюмы родной землей?” – задался вопросом один из друзей Беньямина.

“Пусть каждый отправится в страну народа Израиля и привезет сам для себя, сколько хочет!” – догадался другой его друг.

“Уж коли ты оказался на родине, то зачем везти оттуда землю? Ведь проще остаться там жить!” – воскликнул Натан.

“Я заметил, друзья, что круг наш сократился, он уменьшается день ото дня, того и гляди в точку превратится!” – поделился своими наблюдениями Беньямин.

“Ничего удивительного! Я читал, что после разрушения Храма и изгнания еврейского народа, земля Эрец Исраэль сморщилась, стала меньше!” – воскликнул Натан.

“Сыны Израиля должны вернуться на Святую землю, тогда разглядятся ее морщины, и она примет настоящую свою величину!” – заявил Беньямин.

“Вернемся – и разглядятся морщины, но нет в возвращении геройства, как нет его в круге за белой чертой! Чтоб героями Израиля стать – надо воевать и побеждать!” – воскликнул Иегуда.

Обложка: Неизвестный художник «Цветы и животные. Роспись ширмы» Корея. 19 век